
Константин
Фрес
Невеста для
Бессмертного

Константин Фрес

Невеста для Бессмертного

«Литнет»
2020

Фрес К.

Невеста для Бессмертного / К. Фрес — «Литнет», 2020

КНИГУ В БУМАГЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НА ОЗОНЕ И НА ВАЙЛБЕРРИЗЕ!- Тысячу лет я правил один. Тысячу лет я был ужасом и абсолютным злом, заставляющим трепетать сердца. Я - жестокий, грозный, могучий и властный, я - Бессмертный, который явился в ваш мир за страшной данью - за невестой. И я не уйду, пока не получу желаемого - юную, прекрасную и невинную деву себе в дар… Ваш мир должен принести мне эту жертву! - А сковородкой по башке не хочешь?#очень откровенно #властный герой #отбор невест #юмор #ХЭ Бомбищенская облога кисти художника Юлии Плотниковой! Арты - Александры Дворжецкой! ВАЖНО!!!!! В книге доминирует ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ, СТЕБНЫЙ СЮЖЕТ.

© Фрес К., 2020
© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1. Явление Черного Властелина 5
Глава 2. Кощей Трепетович 8
Глава 3. Секрет Яги 14
Глава 4. Девушка с косой 23
Глава 5. Девушка с косой. Искушение Марьванны 29
Глава 6. Суп с котом 34
Глава 7. "Кто это сде-елал?! Ай-я-яй!" 37
Глава 8. Бой за сердце черного властелина 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Глава 1. Явление Черного Властелина

Марьванна, приличная женщина побитой жизнью наружности, крепко за сорок — где-то в районе семидесяти, — стояла перед зеркалом в призывной позе, вздернув мощную задницу вверх, максимально прогнувшись в пояснице, откровенно и дерзко расставив в разные стороны ноги, как крупная порно-звезда в предвкушении оргазма.

Она даже постанывала — томно и беспомощно, — что как нельзя лучше подчеркивало ее чувственную женскую слабую сущность.

Но увы, не половая распущенность и не ожидание горячего самца поставили приличную женщину в эту интересную и откровенную позу, а разбушевавшийся радикулит, будь он неладен.

И народная медицина была бессильна!

От нагретого кирпича закипало и бурлило в кишках.

Пчелы всего лишь оставляли на дебелой пояснице страдалицы волдыри.

А от лопухов у Марьванны была изжога и нарушение сна. И облегчения никакого не было!

А все из-за Петровича, будь он неладен.

Марьванна, женщина дерзкая, решительная, была молода душой, даже местами юна, как завсегдатай яслей.

Но бренная плоть подводила ее все чаще, и потому развлечений, оставшихся на ее долю, было все меньше.

И чертов ишиас она заработала, почти целый день таясь на балконе, на сквозняке и в вынужденном согбенном положении, выглядывая из-за горшков с бегониями, как партизан из чащи.

Притаранив на балкон тазик с презервативом, щедро наполненным водой, она лелеяла месть Петровичу и любовно поглаживала изделие №2, раздутое как ее непомерные амбиции.

Петрович был мужичонкой вредным, старым и желчным.

Он пинал соседских котов, ругался на соседских детей, уничтожал соседские посевы цветов на клумбах и тайно — тайно! — посещал любовницу, Клавдию Петровну из соседнего двора.

Срамота!

Интимно нашвыркавшись с нею чая, он вечерами, в потемках, возвращался, хмельной от любви и забродившего третьегодичного варенья.

И его бычок а-ля козья ножка падающей звездой чертил огненную дугу над взошедшими вопреки всем его стараниям георгинами и прочей петрушкой.

Разумеется, ему надо было непременно отомстить! А то как же.

Но в тот день Петрович, вопреки всем чаяниям Марьванны, вернулся не в положенное время, а намного позже.

И вовсе не от любовницы.

Не разомлевший и не умиротворенный, а злой и раздраженный.

И не один, а с сыном.

Из матерных междометий, которые Петрович изрыгал аки Диавол — богохульства, неукротимая, как Анжелика, народная мстительница поняла, что Петрович изволил помогать сыну на даче.

Но был так неловок, что долбанул себе молотком по пальцам. Два раза.

Вселенная подсуетилась раньше Марьванны, и куда злее приложила, чем презерватив с нагретой на солнце водой.

Вселенная тоже любила обижаемых Петровичем котиков.

Сын почтительно поддерживал стенающего и мечущегося в агонии Петровича под руку, и точечный бомбовый удар по врагу народа был категорически невозможен.

Поэтому Марьванна, тоскливо вздохнув, тазик с водой и печально булькающим презервативом, потаранила обратно в ванную, где ее и прихватило, сковав в неприличной позе.

Вселенная была строга и справедлива.

И из-за своей пошлейшей несостоявшейся мести наказанная Вселенной Марьванна в данный момент страдала, потому что ее подружка, Анька, позвала ее на каноническое место встречи — на лавку в теньке.

Обсудить старинного поклонника Марьванны, крепкого старика Кирюху, за которым до сих пор, еще со школьной скамьи, волочилась кривоногая Никорячиха.

Но выйти в такой нелепой, вызывающей позе Марьванна не могла. Не ровен час, Кирюха увидит. А разговаривать с ним снизу вверх Марьванна уже отвыкла. Давно она с ним этак не разговаривала, навык был потерян…

И так, и этак она рассматривала свое отражение в потемневшем от времени зеркале, и горестные вздохи рвались из ее мощной груди пятого размера. Это был позор!

— Докатилась, — прошептала Марьванна трясущимися губами, едва не плача, потом что, несмотря на все ее усилия, спина разгибаться не хотела.

А зеркало, старое огромное зеркало, в прекрасной раме из красного дерева, зеркало, помнившее ее еще хорошенькой девчушечкой, а затем — прекрасной юной девушкой с богатой русой косой, ныне отражало не ее бренное тело, нет.

Оно отразило ее сущность — жалкую больную одинокую старость.

И Марьванна с грустью поняла, что все ее молодецкие язвительные забавы, приведшие к позорной болезни — это от одиночества и ненужности.

Марьванна еще постояла бы, пострадала, рассматривая согбенную спину, оплакивая свою давно минувшую молодость и коварного сердцееда Кирюху, который морочил ей голову больше полвека (как, впрочем, и Никорячихе), но тут старое зеркало повело себя странно.

Серебряная амальгама за мутным стеклом вдруг закипела, вздуваясь ртутно-поблескивающими шарами.

Отражение Марьванны лопнуло, потеряв жопу, и сама Марьванна отпрянула, ожидая, что в ее темноватую прихожую сейчас ступит — ни много, ни мало, — сам Джон Константин.

Да, храбрые и сильные мужчины все еще волновали воображение Марьванны, она такая.

Но вместо мечты всей женской половины дома, вместо отчаянного брутального борца с нечистью из блестящих, ртутно кипящих пузырей был выплюнут на светлый линолеум какой-то старый, невзрачный тип.

Худой, как сушеная вобла, длинноносый и бледно-желтый.

С колючими маленькими глазками.

Разодет этот престаревший пижон был гладко, стильно: в бархатный пиджачок, в узкие штаны в облипочку, в блестящие востроносые ботинки.

На лысой голове, как прибитая, сидела соломенная шляпка-канотье.

На крючковатом длинном носу — очки в круглой тонкой оправе.

Рот с тонкими губами был полон зубов — настоящих, своих, а не фарфоровых, — отчего Марьванна невольно прониклась уважением и завистью к несостоявшемуся Джону Константину.

При нелепом старике был чемодан, грохотавший, будто нагружен он был кирпичами и стеклом.

А на согбенной годами спине попаданца, отчаянно завывая и ссась, вздыбив шесть, вцепившись всеми лапами в тертый бархат, сидел огромный черный котище.

Старичило, пересчитав тощей костлявой жопой все тапки и башмаки Марьванны, рассыпавшиеся с полки, с кряхтением поднялся на кривые тощие ножки, сверля недобрым взглядом онемевшую хозяйку квартиры.

Кот его, прекратив орать, некоторое время смотрел обалдевшими раскосыми глазами на женщину, безмолвно застывшую перед незваными гостями, и одновременно в выплюнувшее их зеркало.

А потом выдал такой витиеватый, я бы сказал — изысканный,— мат, что спина изумленной Марьванны сама выпрямилась по стойке «смирно» с чуть слышным хрустом.

— А что, мать, — злым голосом выдал засушенный красавец в канотье, все так же буравя Марьванну недобрым взглядом. — В городе невесты-то есть?

— Кому и кобыла — невеста, — огрызнулась культурно подкованная Марьванна, обидевшись на «мать».

Понтовый старичило был явно *старше*, и его пренебрежение больно кольнуло самолюбие Марьванны.

Резко захотелось рассказать про себя и Кирюху, в лучшие свои годы-то.

— Какая я тебе мать, старый ты пень!?

— Ну, ты и не кобыла, и не невеста, — хамовато заметил раскосый кот, осторожно спускаясь со спины попаданца и небрежно метя ближайший угол. — Значит, ни на что не годишься. Ни поржать, ни женится.

Глава 2. Кощей Трепетович

Кощей Трепетович отчаянно хотел жениться.

Просто держите всемером — не то женится на первом, что попадется под руку. С особой жестокостью.

Жизнь его тысячу лет шла по проторенной дорожке, и Кощей справедливо полагал, что он — мужчина в самом расцвете сил, — давным-давно должен был бы обзавестись подругой.

Но беда была в том, что в его отношения, даже самые невинные, только что зародившиеся, вмешивались все, кому не лень.

У Кощея была подмоченная злыми и завистливыми языками репутация отчаянного злодея, тирана, склонного к домашнему насилию, плохого семьянина и жадного стяжателя, чахнущего над семейным бюджетом вопреки всякому здравому смыслу.

Однако, его утонченный, возвышенный вкус на слабый пол был безупречен.

Стоило ему лишь покоситься на деву, как ее портрет тотчас печатали на развороте берестяного журнала «Плэй Колобок».

Его внимание было словно знак качества, словно клеймо на золотом изделии.

И мужское население Три Девятого в этом вопросе к мнению Кощея Трепетовича прислушивалось.

А потому беззастенчиво воровало облюбованных невест у разъяренного Кощея из-под носа.

И время в одиночестве шло. Время овевало его голову, выщипывая кощеевский череп до блестящей гладкости.

Проходила молодость, растворялась в небытии яркая мужская кощеева красота, а любовь так и не приходила…

Его даже как-то звали как-то возглавить жюри одного из конкурсов, чтобы он своим наметанным взглядом выбрал самую-самую, но, конечно, с корыстной целью.

Рассчитывали, что победительница получит от восхищенного Кощея богато украшенный кокошник и шелковый сарафан, что сделает ее выгодной партией, девицей с приданым.

Но подковерная возня не укрылась от бдительного ока Кощея. О корыстных планах конкурсанток и их женишков Кощей узнал, и никаких кокошников дарить не стал, в очередной раз подтвердив свою репутацию жмота.

Так вот! Знай наших!

Стоило на горизонте замаячить подходящей партии, интересной блондиночке с толстой косой и длинной царской родословной, как следом за ней — освобождать, — тотчас являлся какой-нибудь сильный, но тупой Алешенька, победитель конкурса «Мистер богатырь Вселенной», снабженный всякими магическими девайсами типа контрабандного меча-кладенца.

Этот стероидный недоумок отчего-то сразу решал, что дива жутко страдает в компании Кощея, и спасал ее старым дедовским способом, расфигачив утиное озеро в поисках нужной утки с заветным яйцом.

Когда отлежавшийся после очередного коварного нападения Кощей приходил в себя, девушка, которой он читал стихи под луной, оказывалась давно и прочно замужем, толста и окружена вопящими ребятишками.

О пылком романтичном воздыхателе в царской кроне и в черных латах она вспоминала, может быть, темными ночами, когда золотом наливалась полная луна.

Но к старому возврата не было — супружеская верность!

— Живодеры! — ругался Кощей Трепетович, зашивая распотрошенных уток, поливая их живой и мертвой водой и распихивая по ним яйца с иглами. — Я вам яйца в медведя засуну, вот тогда вы попрыгаете!

Но провернуть такую штуку с медведем Кощей не спешил. Во-первых, в патриархальном, традиционном и консервативном Три Девятом не поняли бы этого интереса Кощея с яйцами к медведям, и не одобрили бы — даже сильнее, чем воровство невест. А еще одно позорное пятно на репутации Кощею не было нужно.

Во-вторых, от медведя можно было огрести еще больше, чем от Алешеньки, а Кощей мазохистом не был.

И в-третьих, Кощей здорово подозревал, что шутка с яйцом уже устарела, а значит, надо что-нибудь новенькое придумать.

Для чего в один прекрасный день и была призвана Баба Яга. По деловому вопросу сотрудничества, так сказать.

Бабу Ягу Кощей не любил.

Во-первых, штуку с яйцом придумала ему именно она — и сама же всем растрепала по пьяной лавочке.

Во-вторых, будучи трехсотлетней, крепкой еще старухой, Баба Яга очень, о-о-очень любила выпить. И тогда мысли ее путались под цветастым платком, повязанным на ее голову, а Яга несла такое…

Одно время Кощей, воющий от одиночества, даже подумывал на ней жениться.

Все ж таки и женщина, и живая душа, и интересы у нее с Кощеевыми схожие.

Нечисть все ж…

Но и этому союзу не суждено было сбыться. Феминизм, широко шагающий по мирам, добрался и до Три Девятого и поразил все своим тлетворным влиянием.

Баба Яга была ярчайшим образчиком феминистки. Сильная и независимая женщина, живущая с котами.

Во-вторых, как бы ни был Кощей хорош собой — а были и такие времена, — и как бы ни был он материально обеспечен, но это не перекрывало любви Бабы Яги к молоденьким царевичам.

В свете этих откровенных знаний слова Яги «на Ивашкиных косточках покатаюсь» принимали срамной оттенок. Ну да ладно.

Черт знает, чем старая завлекала краснощеких юных красавцев, да только за нею в баньку впрыжку мчался даже Финист Ясный Сокол, известный ловелас и первый красавец Три Девятого.

— В женщине должна быть загадка, — кокетливо отвечала старая на все вопросы и заливалась сатанинским хохотом.

Ну, опять же, употребляла Яга… очень сильно закладывала она за воротник настойки с мухоморами. А этого Кощей терпеть не мог.

Вынести общество старой ведьмы день мог, но всю жизнь, которая у него длилась веками?..

***

Яга была стара, неимоверно худа, прокопчена на солнце, как дохлая лягушка, забытая на берегу, и одета несуразно — словно одевалась впотьмах, глядя одним глазом.

Ела она как не в себя — в три горла, что явно указывало на то, что у Яги наступил алкогольный жор.

По случаю того, что Кощей Трепетович пригласил ее в гости, Яга расчесала свои косы, и была точь-в-точь похожа на заморскую чародейку Версаче.

Те же белые патлы, истощенное, жилистое, как у старой лысой курицы тело и бесформенно вспухшие от постоянных возлияний губы…

— Значиццо, все ж жениться надумал? — спросила нетрезвая хихикающая Яга у Кощея Трепетовича. — Что ж, дело хорошее, дело верное… Мужику без жены-то нельзя. Давно пора. Что ж ты раньше-то не сказал?!

Кощей Трепетович, охренев от слов Яги и от неоднозначности ситуации, принял каноническую позу чахнущего над златом скупердяя.

Он неодобрительно глянул на престарелую чародейку, которая слишком поспешно заедала чем-то очередную чарочку, и брезгливо поморщился.

Женский алкоголизм по-прежнему вызывал у Кощея резкое отторжение.

— А то до этого не понятно было, — сварливо отозвался он, — зачем мне девицы нужны! То-то забот у меня нет больше, как баб воровать, чтоб обеспечивать работу добрым молодцам. Хобби у меня такое. Ага.

— Но ты ж злодей, — развела руками Яга. — Все думали, что ты имидж свой так поддерживаешь. Неволишь и тиранишь, страданиями невинных голубок упиваисся. А работенка богатырская… Ну, кто тебя знает, может, у вас с богатырями договор заключен, оплата сдельная… Да, а гонорары за спасение сейчас у всех царей-батюшек ого-го, — с уважением отметила Яга. — Ну, хоть бы взять вон того, Царя Митрофана. Василиса у него на выданье. Мож, скрадешь? Девка ладная.

Кощей неодобрительно покосился на Ягу и злобно плюнул на пол.

— Не буду! — грубо ответил он, прекрасно зная, зачем Яга ему предлагает этот план.

За Василисой давно приударял юный Елисей.

Поигрывающий мышцой амбал с белесыми усиками.

Так как путь к спасению Василисы из лап Кощеевых лежал как раз мимо избушки Яги, то у старой явно был шанс заманить свежего, недалекого, но племенного красавца в свою баню.

А там…

Впрочем, что там, брезгливый Кощей даже думать не хотел.

Наверняка разврат и срамота.

Ни для кого не секрет, что Баба Яга баню растапливала бесстыжими берестяными «Плей Колобками». Знаем мы, чем они там, в банях, занимаются…

Нет, конечно, можно вот здесь и сейчас с Ягой договориться, чтоб она Василисиного женишка запарила «Колобками» вусмерть, и не выпускала подольше.

Годика три.

За это время и девица привыкнет, и Кощей определится, подходит ему эта девица или нет. Может, уже и свадьбу сыграют. А наскачет Елисей — так дама уже замужем, дети, и к прошлому возврата нет, но…

— Не хочу! — еще более грубо сказал Кощей. — Я знаю, чем все это кончится. Эта Василиска, — Кощей желчно сморщился, будто сам предмет разговора вызывал у него несварение желудка и приступ печеночной колики, — будет лопать мои пряники, хихикать и строить мне глазки. Сказки будет слушать, стишки. Подарки принимать. Цветы, опять же. Прогулки в облаках на Горыныче. А как только явится ее Елисей, она тут же сделает вид, что ей плохо, что истосковалась, залезет на самую высокую башню и станет оттуда криком кричать, будто Горыныч ее жует. Они все так поступают. А я хочу, чтоб сама она решилась, и чтоб на башне концерты не устраивала.

— Что поделаешь, традиции, — поддакнула Яга. — Воспитание агрхр! Ахрга!

— Будь здорова! — сказал вежливый Кощей, полагая, что прожорливой Яге угощение пошло не в то горло.

Но Яга продолжала пучить глаза с таким видом, будто что-то застряло в ее туловище, прямо посередине, и душит.

И если она это сию минуту не выплюнет — прямо помрет.

— Агрха-ичное, — выплюнула Яга, поднатужившись и напрягая нетрезвые мозги изо всех сил. — Принято так, короче. И менять никто ничего не собирается. А ты у нас мужчина прор-р-р-р-р… — Яга снова забуксовала на трудном иностранном словечке, зарычала низким страшным голосом, недобро глядя на Кощея исподлобья налитыми кровью глазами. — Пр-р-

р-р-р… прогр-р-р-р… прогрессивный! Во! Стишки эти… ухаживания… Кто так делает?! Ты вообще знаешь, как добрые молодцы на девках женятся?! Три дня на коне вместе поскакали — все, считай женатая пара! В этой тряске день онасвое имя пытается выговорить, день — он свое. На третий день предложение руки и сердца! Коротко и по делу. А ты чего?!

— А я чего?! — ошарашенный внезапным откровением, пробормотал озадаченный Кощей.

— А ты тянешь! — торжествующе и зловредно ответила Яга, тыча в Кощея узловатым сушеным пальцем. — Стишки про высокую любовь со смертельным исходом читаешь? Да читаешь, не прячь свои глаза бесстыжие!

— А надо как?! — удивился Кощей, даже не пытаясь отрицать свою вину.

— А надо сразу заявить о своих намерениях! — торжественно ответила Яга. — А не пугать девок сочетаниями слов любовь-кровь! Сказал бы, мол, женимся поутру, и точка! Девы все замуж хотят, Кокоша. Хучь за кого, но в честный взамуж. Богатыри им это сразу предлагают, потому что честные! Просто, без р-р-р-ревсвр… реверар-р-р… — Ягу снова затошнило труднопроизносимыми незнакомыми словами, — реверансов! Во! А ты — такой грозный, такой опасный и властный, являешься с громом и молнией, черным коршуном похищать белую голубицу… и потом читаешь стишки?!.. Твои стишки сбивают дев с толку, Кокоша. Они не понимают, чего ты от них хочешь, то ли полюбить, то ли четвертовать в подвале с особой жестокостью. Хошь бы за титьки пожамкал, намекнул как-то, что ли… А то — стишки. Ты женись сначала, а потом читай, чего хочешь, хоть настенные календари вслух! Морочит головы девушкам, злодей, а потом не понимает, что не так!

— А как же любовь?! — пробормотал потрясенный до глубины своей злодейской души Кощей, который искренне полагал, что за титьки надо тискать только с обоюдного согласия. — А если она мне по характеру не подойдет, ну, я не знаю, сорту зодиаку она не того?! Может, она в носу колупать любит, или, не знаю, вроде тебя — больно до молодцев добрых охоча, что тогда?! Всю жизнь потом мучайся, сделав скоропалительное предложение?! А если я ей совсем не понравлюсь?!

— Жизнь — боль, — замогильным голосом ответила Яга Версаче. — А одни только радости вкушать недостойно. А ты как хотел?!

Это было откровением века. Да что века — тысячелетия!

Вот так, без подготовки, узнать, что все попытки понравиться девушке — напрасны, и все добрые семьсот лет после наступления половой кощеевой зрелости он занимался ерундой!..

Кощей испустил крик раненной навылет волчицы.

Яга невозмутимо жевала пирог с холодной телятиной.

— А как же любовь, я тебя спрашиваю?! — страшным голосом, исступленно, прокричал Кощей. — Как же кхарактеров совпадение?!

— Любовь, — презрительно ответила Яга. — Кхарактер… Слово-то какое придумал тоже… Это кто ж тебя так по темечку огрел-то? Извращенец ты старый! Сказано ж тебе — проще надо быть, девки к тебе и потянутся! Хотя теперь какие тебе девки, — Яга критически оглядела Кощея. — Лет пятьсот назад еще б да, а сейчас тебе в самый раз старушки что покрепче…

— Но-но-но! — возопил Кощей, подскакивая с места и величественно запахиваясь в мантию. — Какие еще старушки?! Я царь Кощей Трепетович!

— Дурень ты престарелый, — желчно хихикнула язвительная Яга. — Бабам спуску давать нельзя! Кто ее спрашивает, нравишься ты ей или нет? Женился — муж, значит, она слушаться должна и помалкивать, и точка! И раньше так надо было выкаблучиваться, нравится-не нравится, теперь-то, пень сушеный, ты точно никому даром не нать! Девки-то молодых да красивых любят! — Баба Яга вдруг задумалась, замолкла, оборвав свои злобные речи на полуслове. — Впрочем, есть шанс у тебя один, Коша… Есть, чего уж греха таить. Надо б тебе пойти

туда, не знаю куда. Там все, как ты любишь — ухаживания, кхарактеры, девки умные сильно, сами себе мужичков выбирают… Авось, обольстится кто. Уж я тебя снаряжу, я тебе помогу.

***

Несостоявшийся Джон Константин с носатым желчным лицом, почесав ушибленный зад и подняв свой громыхающий понтовый чемодан — мечту хиппи, — повел себя на редкость нахально, можно даже сказать — хамовато.

— Тут остановлюсь, — сварливо заявил он онемевшей от его наглости Марьванне, оглядывая ее хоромы недобрым взглядом круглых злых глазок.

Говорил он это таким тоном, будто делал одолжение, и Марьванна, которая всегда сама выбирала, кто из мужчин будет спать на ее раскладушке, вскипела.

— Пока невесту себе не найду. Мне помоложе надо, да покрасивее. Знаешь таких?

Притом сам «жених» красотой не блистал.

Как уже отметила Марьванна, старик был худ, сгорблен годами. И, кажется, абсолютно, как бильярдный шар, лыс под своей модной шляпой.

Длинноносое лицо его было нервным, желчным, и таким сморщенным, что трудно было угадать, а был ли этот просроченный пижон вообще когда-нибудь красив.

Глядя в его недобрые глазки, Марьванна остро испытала то же чувство, что испытывают все супруги после сорока лет брака, глядящие в бесстыжие очи мужа, решившего надраться на старости лет в дымину.

То есть непреодолимое желание сжать руками тощую цыплячью шейку старика и трясти его, пока не вытрясется вся дурь.

— А ты, старая ведьма, обеды мне готовить будешь, — попирая основы феминизма в отдельно взятой квартире, меж тем продолжал нахальный старик, презрительно оглядывая Марьванну с ног до головы. — Стряпать-то умеешь, али нет? Горе-то тоже… ну и баба, ни волос, ни тела! Хуже Яги…

От всего вышесказанного у Марьванны под седыми, круто наверченными кудрями пробежали мурашки.

Тонко выщипанные брови покарабкались на лоб, собирая гармошкою кожу и отслаиваясь от нанесенных черным карандашом рисунков идеальных дуг.

— Да ты офонарел, носатый?! — прошептала Марьванна, хватаясь дрожащей рукой за то место, где у нее должны были располагаться грудь и сердце.

Но ни того, ни другого нащупать ей не удалось, несмотря на пятый размер первой и усиленную пульсацию второго.

Пальцы Марьванны колотились как у лютого алкоголика с будунища.

Никогда Марьванна еще не была так близка к позорнейшему обмороку.

— Кыш, кыш! Ты вообще кто такой?! Что значит — невесту?! Ты сюда баб таскать собрался?! У меня здесь не публичный дом!

— А зря, — веско заметил старикашка.

И, отодвинув окаменевшую от изумления хозяйку дома бархатным тощим плечиком, прошествовал из прихожей в комнаты.

При этом виляя задницей так, будто модные узкие джинсовые штаны с него соскальзывали. А он своими нервными телодвижениями забирался в них обратно, да поглубже.

Черный толстый котище, еще раз прицельно цыкнув мочой в угол, побежал за ним, нахально задрав пушистый хвост.

Эффектное появление нарядного незнакомца навело Марьванну на мысль, что это — ни больше и ни меньше, — иностранный шпион. И гнать его надо в три шеи, пока он не завербовал ее и не начал пытать.

Или нет; не гнать. Пленить и сдать в соответствующие органы!

Вся кипучая, неукротимая, как Анжелика в любви, натура Марьванны тотчас встряхнулась от тягостного скучного существования и потребовала немедленных действий, желательно — с летальным исходом.

Зловредный ловелас-вредитель Петрович был мгновенно забыт.

Вся неизрасходованная кипучая страсть, вся практически коммунистическая ненависть были безраздельно отданы ему — американскому шпиону в нарядном пиджачке.

И теперь, перед лицом настоящей опасности, старый добрый Петрович воспринимался чем-то незначительным, мелким и рутинным, вроде армейской учебки в сравнении с настоящим боем. Это был звездный час Марьванны! Судьба готовила ее именно к этому!

«Смелей!» — отважно подумала Марьванна и бросилась спасать Родину.

Покуда странный шпион привередливо разглядывал ее скромные апартаменты, Марьванна прокралась на кухню и запаслась скалкой покрепче, из дуба, потемневшей и залоснившейся за долгие годы службы.

Неслышно и коварно, как финский лыжник-партизан, зашла она к очкастому незнакомцу со спины, и, решительно развернувшись, треснула его скалкой в темя с криком:

— Прочь из моего дома, порочное дитя капитализма!

В свой великолепный удар Марьванна вложила все свое мнение об угнетателях вообще, и о бархатном красавце — в частности.

Голова его, покрытая модной шляпой, от соприкосновения со скалкой издала грозное «бам!», дважды лихо обернулась вокруг своей оси, лупая на застывшую Марьванну изумленными глазами и ревматично хрустя шейным позвонками.

Но вместо желанного летального исхода старикашка, ухватив себя за нос и этим прекратив вращение головы, только нервно вздрогнул.

А Марьванна, охнув, выронила скалку из ослабевших патриотических рук.

«Терминатор!» — подумала в необъяснимом восторге и ужасе Марьванна, когда старикашка медленно и злобно оборачивался к ней, почесывая ушибленное место желтоватыми старческими ногтями.

Сняв кокетливую шляпу из светлой соломки, старик явил перепуганной Марьванне золотой обруч с рожками, ни дать, ни взять — корону.

Или вражескую антенну, кто их разберет.

— Убить Кощея Бессмертного — такое себе решение, — бархатным голосом прожженного ловеласа и дамского угодника произнес черный котище, прерывая свою речь оглушительным мурлыканием и путаясь в ногах Марьванны. — Не делай резких движений, мать, и будет тебе счастье. Что ты всполошилась-то?

— Заплачу, — с ненавистью прошипел старик, щедро сыпанув Марьванне под ноги горсть желтых монет. Те рассыпались, запрыгали по линолеуму, и Марьванна всплеснула руками, поняв, что это настоящее золото. — Так что с невестами?

Глава 3. Секрет Яги

Марьванна сердито гремела на кухне кастрюлями.

Пахло чем-то невкусным, пересоленным и даже немного сожженным, но Кощею Трепетовичу это было безразлично.

К Марьванне был приставлен кот Баюн.

При каждом ее шаге он ужом вился у нее меж ног, как будто его Куклачев отдрессировал, и беспардонно совал свою жирную усатую рожу во все кастрюльки.

Озлобленная нашествием самовольных постояльцев Марьванна пыталась дать коту пинка с целью выгнать его прочь.

Но всегда промахивалась мимо его верткой задницы.

Так что шансов насыпать яду и устроить Кощею несварение у нее не было.

Кощею было важно другое.

Ему не терпелось привести себя в божеский вид, ибо Баба Яга снарядила его в путь-дорогу не близкую по чесноку, ото всей своей злодейской души раскрыв томящемуся без любви Кощею свою тайну...

— Хороший мужик ты, Кощей, — щедро заявила нетрезвая Яга. — Все думали, что ты плохой, злой, а ты-то ведь хороший! Дурной, правда, немножко. Но это потому, что по голове тебя били часто. Хоть и властный господин, да… За сердце твое чистое, за душу твою непорочную, бабами не изгаженную, за стишки твои убийственные открою я тебе тайну свою великую, так и быть — поделюсь… Будешь?

В костлявом кулаке Яги, щедро протянутом Кощею, была зажата четырехгранная бутылка зеленого стекла.

В таких бутылках обычно хранится яд — вона же череп черный с перекрещенными костями, порядком затертые от времени, выглядывают из-под ладони Яги.

Плещущееся в бутылке пойло остро пахло алкоголем.

— Благодарствую, — сухо отказался Кощей.

— Ну, а я выпью, — кокетливо ответила Яга и бухнула прямо из горла.

Пила, вроде, Яга, а Кощею почему-то казалось, что он.

Потому что с каждым глотком Яга становилась все моложе, все полнее, все завлекательнее. Морщинистые дряблые щеки ее белели, разглаживались, наливались румянцем. Сочные груди натягивали ветхую ткань сарафана. Под аппетитной задницей затрещал стул.

— Ну, как тебе фокус? — отбросив опустевшую бутылку, ликуя, прокричала Яга нетрезвым голосом, упирая руки в боки.

Кощей на миг онемел, от изумления пуская слюни и чуть привстав на трясущихся ножках.

— Вот эдак я богатырей и заманиваю!

— Бабубы, — сказал Кощей на языке неандертальцев, дико и ненормально вращая глазами.

Яга была диво как хороша.

Богата бедрами, тонка станом, бела лицом, красотою лепа. О союзности ее бровей говорить не приходилось. Союзны!

Глядя на нее, Кощей понимал, что «Плэй Колобком» можно было б не только баню истопить, но и подтереться, если б они не были такими жесткими, — вот так хороша была Яга!

Молода, хороша и нетрезва.

Сильная женщина в бане без комплексов и предрассудков — это же мечта любого Финиста!

— Как баня-то твоя стоит до сих пор, — выдохнул Кощей, которого от вида красоты такой вот-вот готов был хватить апоплексический удар.

— Илюха Муромской правит ее каждое лето, — усмехнулась Яга, кокетливо поводя плечами. — Иначе б давно завалилась.

— Это что, винище из яблок молодильных? — догадался Кощей, указав дрожащим пальцем на опустевшую бутылку.

— Оно самое, — гордясь собой, подтвердила Яга, кивнув головой. — Красота требует жертв, Кокоша. Приходится бухать по-черному, чтоб получить любви.

И Яга снова сатанински, нетрезво, захохотала.

Дело в том, что молодильные яблоки в Три Девятом были таким же чудом, как в любом среднестатистическом холодильнике.

Однажды сильно не вовремя ударил мороз, и яблоки забродили.

Налетевшие жар-птицы алкоголя отведали — им понравилось. Хмельные, они наклевались яблок безо всякой меры до состояния Фениксов — то есть, яйцами попадали в траву, — а яблоню разломали.

Спроси их, алкашей, зачем.

Какой-то мичуринец-садовод вроде бы как будто бы выращивал новую яблоню. Но когда она еще начнет плодоносить!

А тут такое.

— Где взяла? — строго спросил Кощей.

— Законсервировала, — недобро ответила Яга, без запинки, как на допросе в КГБ, выговорив трудное слово. Под взглядом ее прекрасных глаз Кощей смутился и спорить не стал. — Насолила, наморозила, впрок запасла.

— Самогону нагнала…

— Так ценность продукту лучше всего сохраняется! — голосом базарной торговки заспорила Яга, и очарование ее вмиг сползло.

Кощей подтер катящиеся слюни и вздохнул.

Яга это заметила и озлилась.

— Вот за что не люблю вас, интеллигентов, романтиков, чистоплюев — реальная жизнь вас пугает. Все вам, понимаешь, образ бесплотный подавай! Статуй мраморный, идеал красоты! А настоящую-то, живую бабу вы ж не цените! В душу-то не глядите! Ты вот тоже воровал все больше царских дочек да красавиц, а гусятницу Таньку не видел в упор! А девка какая — золото! Работящща! Добрая! А Аленка? Ребятишек любит! Огород тяпает! Эх, Кокошка, тыщщу лет тебе, а все капризничаешь, как Ивашка на лопате! Взял бы любую, да кого хошь, только с душой, — зачем тебе царевны?! Ладно… воспитанием твоим пусть другие дуры занимаются.

И Яга протянула брезгливому Кощею диво дивное — настоящее яблоко молодильное. Сорта «белый налив».

— Это тебе, Кокоша, — наставляя Кощея, проговорила Яга. — Съешь и помолодеешь. Яблоко, правда, староватое, в подполе долго лежало. Магия коротить может. Разоденешься покрасивше, по последней моде тамошней, золотишком побрякаешь, девок поразвлекаешь — глядишь, и выловишь рыбку свою золотую… А это, — Яга недобро сощурилась, решительно ткнув под нос Кощею еще одну бутылочку зелена стекла, — выпьешь сам, и избраннице своей нальешь! Но тока той, с какой точно вернуться сюда пожелаешь. Обратной дороги-то не будет.

****

Выпроводив сопротивляющуюся хозяйку на кухню и приставив к ней кота, оставшись один, Кощей приступил к осуществлению своего плана.

Перво-наперво он разделся, аккуратно сложив на шатком стуле свои непривычно яркие одежды — узкие и скользкие, как лягушачья кожа, штаны, бархатный пиджачок, жилет с серебряной цепочкой и рубашонку.

Оставшись почти голышом, подтянув сползающие с выпуклого пузика трусики от Дольче и Габбаны, Кощей достал из своего чемодана чудо-яблоко и с остервенением вгрызся в его глянцевый бок.

Яблоко было сочное, вкусное, но отчего-то не срабатывало. Магия искрила; в воздухе запахло горелой изоляцией.

— Ты чего там удумал?! — подала голос с кухни сердитая Марьванна. — Электричество мое тратишь на свои шпионские нужды?!

— Молчи, женщина! — задушенным страшным голосом отпетого негодяя ответил Кощей, пожирая яблоко с кожурой и косточками.

Магия искрила пуще прежнего, где-то что-то трещало и коротило, но превращения все равно не происходило.

Обсосав яблочный черешок, сыто отрыгиваясь, Кощей почесал в затылке, размышляя, как быть.

Магия была вещью ненадежной.

С ней такое — замыкания не вовремя, — часто случалось. И в битвах, и в колдовстве. Отсюда и рождались в былинах внезапные вот это повороты типа: «Исхитрился Никита Кожемяка, да и сшиб все двенадцать голов змею поганому!»

Ага. Исхитрился он. Просто у змея коротнуло не вовремя.

Частенько Кощей в образе черного коршуна, как аварийный лайнер, заходил на посадку раз пять, никак не перекидываясь в человека.

Исправить это дело можно было лишь одним проверенным дедовским способом — ударившись оземь. Этим способом пользовались все — злодеи, волки, зачарованные красны девицы.

Ну, что делать.

И Кощей, конечно, тоже не гнушался.

Видя, что магия не работает, Кощей, недолго думая, вскарабкался на кровать Марьванны, предательски заскрипевшей на весь дом.

Дрожащими ногами, словно неумелый эквилибрист, ступил на расшатанную спинку, и, раскинув руки в разные стороны, ничком рухнул на пол.

М-дя…

Мать — сыра земля принимала Кощея поласковей, чем паркетный пол. Было очень, очень больно, и, что самое обидное, не помогло.

Возделанная любящими руками, воспетая былинными песенниками, земля Три Девятого была мягка, как перина из лебяжьего пуха.

Даже если оземь со всего размаху и от отчаяния билась красна девица, это не вредило ее красоте нисколько.

И Кощей сейчас, молча корчась от боли и пыхтя в пакетную доску, понял свою ошибку как нельзя лучше.

«Этого-то я не учел, бабкины полы — не мать сыра земля…» — раскаивался нетерпеливый Кощей.

Грохот его упавшего тела слился в едином порыве с треском старой кровати и с истошным криком экзальтированной Марьванны, которая была очень заинтересована, зачем это бесстыжий старикашка в голом виде полез на ее койку, лет уж двадцать как не видавшей мужчин в исподнем, и почему упал оттуда.

— Бес-с-с-стыжий, — стыдливо и радостно краснея, как девица, шипела Марьванна, ворвавшись в комнату и пытаясь соскрести Кощея, немного контуженного ударом, с пола. —

Ты чего тут устраиваешь, чего имя мое честное позоришь! За стеной Анька живет, у нее бессонница! У нее слух обостренный! Она слышит, как тараканы в карты играют, а тут такое… Она же меня на весь двор ославит! Скажет: «Знаю я, какой у тебя радикулит, слышала, как койка твоя скрипит!»

Впрочем, кажется, перспектива прослыть среди прочих старушек развратной самкой, завлекшей под свое одеяло доброго старичка, Марьванну не смущала, а только наоборот.

Вдохновляла.

— Поди вон, женщина, — прохрипел Кощей, когда силы вывернулись к нему настолько, что он смог встать на четвереньки.

— Я — поди, а ты мебель тут мою ломать станешь?! — возмутилась Марьванна. — Ага! Щас.

— Женщина, слушайся, — сладким, как мед, голосом пропел черный котище, следом за ней втискиваясь в узкую щель между дверью и косяком. — Не то я кошечку твою изнасилую. Котят потом не оберешься. От меня меньше дюжины не родится. И все черненькие. Хочешь?

Это был наглый, жуткий, террористический и бесчеловечный шантаж.

Марьванна даже взвизгнула от ужаса, представив свою кошечку, этого нежного персикового вислоухого ангела с доверчивым взглядом, в лапах черного коварного соблазнителя и насильника, цинично щурящего свои янтарно-желтые глазища.

Словно черти из преисподней, повсюду мерещились Марьванне кучи мохнатых черных прожорливых кошенят, нахально задирающих хвостишки и метящих углы.

Это наваждение воспламеняло разум и терзало душу Марьванны леденящим ужасом.

…До тех самых пор, пока Марьванна не сообразила, что ее кошечка стерилизована, и такого кошмара произойти априори не может.

От пришельцев кроткая любимица Марьванны спряталась под диваном и зыркала оттуда испуганными глазками. Но черный котище, ясно-понятно, учуял ее, наверное, с самого начала.

И план жестокого изнасилования тоже созрел в его кошачьей голове заранее. Это озвучил котище его только что…

Допустить этого было никак нельзя. Матильда, доверчивая девочка, надругательства над собой не вынесла бы, нет!

— Я т-тебе задам сейчас! — переключаясь на наглого котища Марьванна, замахнувшись на него полотенцем, и кот прыснул со всех лап прочь из комнаты.

Откуда-то из недр квартиры раздался жуткий утробный вой — кажется, кот решил привести свои угрозы в действие сию минуту и забрался к персиковой красавице под диван.

— Обоссыт сейчас все! — ахнула Марьванна, вспомнив привычку дикого, невоспитанного кота метить углы. А это означало, что ей, Марьванне, придется двигать диван и мыть с хлоркой все под ним…

Два жутких, кровожадных, утробных ворчания слились любовно воедино, и Марьванна, забыв напрочь про распростертого на полу Кощея, ринулась за шваброй — спасать свою любимицу.

Вскоре раздались темпераментные крики Марьванны, грохот, кошачий ор, усугубленный угрозой шваброй, и мерзкое хихиканье черного котищи. Он швабр не боялся и был слишком вертким, чтоб Марьванна могла по нему попасть.

Оставшись один, Кощей, кое-как отойдя от удара, потряс для просветления рассудка лысой головой, поднялся с четверенек и ринулся к балкону, раскрытому по поводу летней жары.

Начатое дело нужно было довести до конца!

На улице звенело сияющее, прекрасное лето. В воздухе носилась мелодия беззаботного счастья, сотканная из радостных детских голосов, и ароматы цветущих под балконом цветов.

Кощей, перевесившись через ограждение, критически оглядел выжившие после многочисленных атак Петровича георгины, поблескивающие капельками воды после поливки, и нашел, что мать-земля *достаточно сыра*…

«Так вернее будет», — лихорадочно решил отчаянный Кощей, оценивая высоту предстоящего полета.

Подтянув трусики и дряблую старческую кожу, он отважно полез через перила. Раз яблоко было съедено, а магия капризничала, Кощей решил биться оземь до победного конца.

Миг — и его голое, худое тело плашмя сверзилось вниз, со смачным шлепком прихлопнув цветы и петрушку, перепугав играющих неподалеку ребятишек и всполошив сидящих на лавке старух.

Мать-земля под окнами жилого многоэтажного дома была недавно полита и *достаточно сыра*, но утрамбована тяготами городской жизни до твердости железобетона.

А потому Кощея приняла еще неласковей, чем паркет Марьванны.

Корчась в поломанных зарослях, среди бесчисленных окурков Петровича и засохших какашек местных котов, несчастный страдалец шипел и подвывал, уткнувшись длинным носом в розетку из глянцевых листьев.

В воздухе остро пахло горелой изоляцией и коротнувшей магией.

— Иванна!!! А что это у тебя из окон мужики голые выбрасываются?! У тебя их много, что ль, разбрасываться-то? Так ты поделись! А?!

Марьванна, с волосами дыбом, стоящая на карачках у дивана, разгоряченная битвой с котом, вся опутанная выуженной паутиной и серой пышной пылью, не сразу расслышала ни шлепок, воспроизведенный рухнувшим телом, ни крики подружек, призывающих ее к ответу.

— Ась?! — испуганно выкрикнула Марьванна, когда ехидные вопли старушек долетели до ее сознания.

Она шустро, по-молодому, разогнулась — и куда только ишиас дивался, — подскочила на ноги и рванула в комнату, где оставила Кощея…

Но та была пуста. Только белая тюлевая занавеска над распахнутым трагично и страшно балконом печально колыхалась, как прощальный платочек на ветру…

Не помня себя, рванула Марьванна на балкон и внизу, под своим окном, увидела *это*— голого неподвижного мужика в зарослях. Выпавшего из ее окна. Как любовник из анекдота.

Все ее знакомые, все подружки, Петрович, Никорячиха, Анька и даже суровый Кирюха — все повылазили из своих щелей и собрались вокруг распростертого голого мужицкого тела.

Женщины прижимали к щекам ладони, качали сочувственно и осуждающе головами и завистливо ахали.

Мужики многозначительно переглядывались и с интересом смотрели на балкон, на котором трагично, как Дульсинея в мечтах Дон Кихота, застыла раскрасневшаяся, растрепанная, запыхавшаяся после борьбы с паршивым котом Марьванна.

Картина рисовалась понятная и срамная.

Заездила мужика…

Вмиг Марьванна, среднестатистическая пенсионерка, предстала в глазах соседей развратной секс-бомбой массового поражения, этакой фемин фаталь, коварной соблазнительницей.

В глазах мужиков под окнами Марьванны забрезжил неподдельный игривый интерес. Петрович даже грязно и ревниво выругался.

Это был оглушительный успех!

Меж тем сверзившийся со второго этажа мужик подал признаки жизни, заворочался, и толпа, ахнув, схлынула.

— Ты забирать-то своего буйнопомешанного ухажера будешь, али как? — раздался ехидный голос торжествующей Никорячихи, почуявшей, что в ее многолетнем противостоянии с Марьванной за сердце ловеласа-Кирюхи забрезжила финишная черта и замаячила победа.

Марьванна терпеть оскорблений не собиралась, и уж за честь-то свою и странного своего кавалера постоять могла. Пылающим взором орлицы вычленив соперницу из толпы, звонче деревенских петухов она выкрикнула:

— Чего это буйнопомешаный?! Он, может, спортсмен. Он, может, тренирует прыжок без парашюта?! И не ухажер это, а родственник…

— Родственник! Откель это у тебя родственники такие молодые да красивые нарисовались, интересно?

Молодой и красивый?! А вот это было ново!

Тапочки Марьванны шустро пересчитали серые ступени лестницы, дверь дрогнула под напором ее тела и выпустила в жаркое лето.

Ворочающийся в палисаднике мужик в белых трусах от Дольче и Габбаны медленно приходил в себя. И Марьванна, склонившаяся было над ним, чуть снова не заклинила в призывной позе, потому что мужик был тот — и не тот одновременно.

Ну вот же, те самые трусы. Носки в тонкую жилочку; а содержимое носков и трусов не то!

Ловко сунувшись под руку очухавшемуся мужику, Марьванна подняла его, ахая и охая от изумления.

И чем дольше она рассматривала странного пришельца, тем больше ударов пропускало ее дрогнувшее от внезапно нахлынувшей пламенной любви сердце.

Кощей, слопавший молодильное яблоко и героически ударившийся оземь, был чудо как хорош собой.

Молод, высок, строен, хорошо сложен.

Худощав, пожалуй — но все равно хорош.

Его помолодевшее мрачно лицо было красиво притягательной, загадочной красотой.

Тонкие губы выразительно и упрямо сжаты.

Черные глаза глубоки и печальны, а на темных кудрях его, никем не замеченный, возлежал царский золотой венец.

Таща контуженного полетом с балкона Кощея к себе, Марьванна обнимала его как родного, чувствуя, как сердце ее тает и безоговорочно капитулирует в битве с чувствами.

***

Никогда Марьванна за собой не замечала тяги к молодым парням, а тут с ней приключилось вдруг такое.

Любовь сразила ее верее ишиасу, и Марьванна не могла дышать, захлебываясь от восторга и нахлынувших к упавшему с балкона красавцу чувств.

Словно падающая звезда, комета, он озарил ее одинокую жизнь и наполнил ее смыслом.

Душа Марьванны пылала, глаза ее рыдали, сердце рвалось наружу.

Помолодевший Кощей захватил единолично все думы и помыслы темпераментной, как Анжелика в любви, дамы, и теперь она видела в нем только одни достоинства. И даже придурковатость, осмеянная Никорячихой, казалась ей неоспоримым мужеством и отвагой.

— Ты зачем же с балкона-то, милай?! — пропыхтела жалостливо Марьванна, таща контуженного Кощея по лестнице и краснея от натуги.

Ибо даже при общей худощавости и жилистости помолодевший длинный Кощей весил килограммов этак восемьдесят.

— Чтоб помолодеть, — злобно буркнул Кощей. — Магия яблока не сработала.

— А звать-то тебя как, сокол мой ясный? — восполняя пробелы и упущения, вдруг поинтересовалась Марьванна, преданно заглядывая в носатое любимое лицо.

— Кощей Трепетович, — зло процедил сквозь чудом уцелевшие зубы Кощей, и Марьванна все сразу поняла и возликовала — свой! Не шпион!

Родной, русский!

Вернувшаяся такой дорогой ценой молодость отчего-то Кощея не радовала.

Он оставался все таким же мрачным, каким Марьванна его подобрала в цветах.

Кощей хмурил соболиные брови, недобро посматривал на Марьванну очами ясными. И эта суровая молчаливая отстраненность от мира еще больше влюбила пенсионерку в экстремально помолодевшего эпичного красавца.

Марьванна, женщина старой закалки, была воспитана на образах гордых рыцарей печального образа, и отбитый оземь суровый Кощей как нельзя лучше подходил под эти образы.

Овод! Капитан Немо! Хоакин Мурьета! Жоффрей де Пейрак!

Штирлиц!

Кроме того, Марьванна вдруг мигом сообразила, что даже в старом состоянии Кощей мог дать фору и Петровичу, и даже ловеласу-Кирюхе.

Он был, конечно, старше их обоих вместе взятых, но держался с достоинством, высокомерно, не то, что эти доминошники.

Одет был чисто, опрятно, нарядно, можно сказать, элегантно — не то, что Петрович в его замурзанных, залоснившихся на коленках и на заднице штанах.

Аккуратен — это Марьванна оценила по стопочке одежды на стуле.

Богат и щедр — пол в квартире Марьванны был по-прежнему засыпан златом-серебром.

И псиной и зверьем от него, как от заядлого охотника-Кирюхи, не воняло.

К тому же, Кощей Трепетович искал себе невесту. Не любовницу, как похотливый, неразборчивый в половых связях и в варенье Петрович. И не море поклонниц, как тщеславный болтун Кирюха, а невесту.

А это говорило в пользу серьезности его намерений. Приличный человек, богатый — и хочет жениться! Это тебе не голову морочить пятьдесят лет…

Но вот незадача: втащенный в родную квартиру, оттряхнутый от окурков и какашек, усаженный в красный угол и напоенный чаем с медом, от которого на бледные мужественные щеки лег румянец, Кощей оставался, конечно, неописуемым красавцем, да только вот чужим красавцем.

Ибо он сразу дал понять, что ему, при его богатстве и красоте, невеста нужна молодая, здоровая и красивая.

И Марьванна со своим ишиасом, двойным подбородком, слабыми коленями и лишним весом понимала, что юным чаровницам она проигрывает, здорово проигрывает. Нету практически шансов у нее никаких против свежих бедер и упругих задниц.

— Так, говоришь, касатик, невеста тебе нужна? — суетясь и подливая Кощею кипяточку, приветливо щебетала Марьванна.

— Хозяйка в мой замок, — брутально рявкнул суровый Кощей, громко швыркая чаем. — Верная подруга. Жена, словом. Есть тут у вас девки на выданье?

— Есть, милый, есть…

Кощей недобро сверлил Марьванну взглядом темных глаз.

И та обмирала, ощущая снова и снова перебои в сердцебиении и непреодолимое желание, чтобы этот сногсшибательный властный господин черным хищным коршуном накинулся на нее, растрепал ее косы русые и надругался над ее беззащитным телом со всей молодецкой удалью несколько раз.

Тело, как и сердце, готово было предать Марьванну в любой момент с буржуазным легкомыслием.

Несмотря на возникшую разницу в возрасте — не в ее пользу, — несмотря на непролетарское происхождение своего возлюбленного, Марьванна уже точно знала, твердо решила для себя — просто так, без боя, она никому Кощея не отдаст.

Ни в коем разе. Ни одна юная, упругожопая профурсетка так просто не получит его!

— Яблочко, говоришь, съел молодильное? — ласковым голосом поинтересовалась Марьванна, делая вид, что спрашивает просто так, чтобы поддержать разговор.

Кто ее знает, где она ловко так притворяться научилась. Да только Кощей ни на миг не заподозрил в ее равнодушном вопросе подвох.

— А долго ли оно действует, касатик? Или навсегда? Аль есть у тебя еще?

— Недолго, — буркнул Кощей. — Скоро действие кончится, а значит, мне поторопиться надо.

— Ага, конечно, — угодливо поддакнула коварная Марьванна, потирая ручки. — Поторопишься, конечно, поторопишься.

«Ой, что ж делается, — в ужасе и в любовном восторге думала Марьванна, прижимая ладони к пылающим щекам. — Дура старая, что ж я удумала себе?! Никак, наследственный блуд на старости лет проснулся, рецессивный ген зашевелился вместе с камнями в почках…»

В семье Марьванны все были люди приличные, кроме двоюродной пра-пра-пра-бабки по материнской линии, Ядвиги.

Говорят, сия дама была очень бесстыжая.

Будучи невероятно красивой, в девках почему-то засиделась. А потом, созрев в роскошную зеленоглазую, златоволосую женщину, вдруг пошла пить-гулять, да лютым блудом на молодых парней.

Совращала всех подряд, деревнями.

Выпить, сплясать любила.

Говорили — ведьма она, потому как ни один перед нею устоять не мог. Кому вечером подмигнет — с утра уже на сеновале у нее находили.

На костре ее обиженные деревенские бабы сжечь хотели, да вот куда-то она запропастилась.

То ли сбежала, то ли все ж женился на ней кто, да увез от греха подальше — того никто не знал.

Только пропала она бесследно, вот и все.

И остались от нее одни только тетрадки со старинными рецептами куличей, да травки разные сушеные в бутыльках зелена стекла.

Черт знает, почему старинный сундук с ее барахлом не выкидывал никто.

Сколько раз сама Марьванна хотела странное наследство, зря занимающее угол, вывалить в помойку, но все не решалась.

А теперь вдруг, глядя на Кощея, четко поняла — вот он, ее звездный час!

Да и когда, если не сейчас?! Больше судьба шанса не подкинет…

В отличие от разгульной родственницы, не к ночи помянутой, Марьванна блудовать не умела.

При всем ее бойком нраве всю свою жизнь она хранила верность трепачу-Кирюхе, лелея в душе мечты о том, что вот-вот он сделает выбор в ее пользу и обретут они с ним долгожданное счастье.

Но годы шли, русые косы Марьванны побелели, а затем и поредели.

Кирюха со свистом сменил три жены, которые проносились по его жизни словно скорый поезд — шумно, пестро, непонятно.

И подкравшаяся старость, глянувшая на Марьванну из зеркала, ехидно намекнула, что поздно вить гнезда, когда гузка облысела.

Жизнь прошла, и отношения как-то нелепо и странно не построились.

Отважная, как Чапаев с пулеметом, Марьванна на деле оказалась неумелой обольстительницей, слишком стеснительной, чтобы бороться за свое счастье.

Да и четвертым скорым поездом она быть уж не захотела.

Так и простояла, как старая телега с соломой за шлагбаумом на переезде.

И чувства угасли, пришел блаженный покой и смирение.

А тут вдруг — Кощей.

Всколыхнувший чем-то все существо Марьванны, ожививший и взбодривший ее не хуже живой воды, заставивший ее душу выть — вот оно, позднее счастье твое!

Только б дождаться, когда яблочное действие пройдет. И никуда он, красавец, не денется…

«Ядвига точно ведьмой была. Привороты, поди, варила! Надо в тетрадочке-то ее посмотреть! Да и напоить Кощеюшку-то», — решила Марьванна с несвойственной ей ведьминской хитрой лютостью, ласково и с вожделением поглядывая на Кощея.

Тот пил чай, как ни в чем ни бывало, даже не подозревая, какая грозная опасность нависла над его головой. Ибо Марьванна действительно была никудышная стряпуха, и по рецепту готовить категорически не умела.

Так что несварение Кощею от стряпни влюбленной дамы было обеспечено железно.

А если Марьванна постаралась бы, проявила креатив — то и преставиться Бессмертный от старинных рецептов Ядвиги запросто мог бы.

Глава 4. Девушка с косой

Марьванне опасно хотела за Кощея взамуж.

Держите вдесятером — не удержите.

Так, как не хотела никогда.

Даже на выпускном вечере за юного красавца Кирюху — не-а, не так хотела.

И даже как в тридцать лет, в жаркой баньке, на полке за него же — совсем не похоже.

Опасный ловелас Петрович совсем был в пролете со своими старческо-пенсионными шалостями.

Все самые острые и горячие любовные переживания, желания и чаяния Марьванны растаяли, померкли в памяти в сравнении со всепоглощающей страстью и неуемным влечением к Кощею.

И казалось Марьванне, что до сих пор она не любила никого и никогда, а так, мышцы перед долгой дистанцией разминала. Замуж — это ведь долго, практически навсегда, не так ли?!

Вот так поразил истосковавшееся в одиночестве сердце Марьванны носатый бессмертный подлец!

Поэтому, когда Кощей вспомнил, что надо б идти на поиски суженой, вместо одной таблетки снотворного в чай с медом Марьванной было нечаянно закачено целых три колеса с ловкостью отпетой клофелинщицы.

Ничего, небось не помрет, Бессмертный…

И Кощей начал отчаяннозевать еще на подходе к своему чемодану — в нем он рассчитывал найти более подходящий для знакомства с невестой прикид, нежели трусы и носки.

Нервный стресс и снотворное сделали свое дело, Бессмертный пал.

И уснул богатырским сном на маленькой кроватке Марьванны, поджав длинные тощие волосатые ноги в носках, сладко причмокивая во сне.

— Вот и ладушки, вот и славненько, — коварным голосом людоедки ворковала Марьванна, заботливо подтыкая Кощею одеялко. — Успеешь еще, набегаешься по бабам-то…

Желание взамуж едва не уложило Марьванну рядом с предметом ее воздыханий.

Проснувшийся рецессивный ген коварного блядства беспокоил намного больше, чем камни в почках.

Он пищал страшным демоническим голосом в каждой клеточке тела Марьванны, уча ее плохому и соблазняя на смертный грех.

Какое-то новое, незнакомое ранее Марьванне подлое и коварное существо, вдруг родившееся в ней, нашептывало ей в оба уха сразу, что поутру можно было б убедить носатого красавца, что ночью, в беспамятстве, он таки соблазнил Марьванну, овладел ею, и все у них было.

Женись теперь, сладенький мой негодяй… Бери меня еще, великий нехочуха…

Но Марьванна последним, поистине героическим усилием воли сдержалась от этого опрометчивого развратного шага.

Во-первых, от таких новостей как бы строгий Кощей с перепуга и стыда не облез до лыса.

А во-вторых, припоминая его отвагу в плане безпарашютных прыжков, Марьванна не была уверена, что он не попытается повторить их, увидав поутру храпящую рядом на подушке блаженно сплющенную физиономию влюбленной в него престарелой фемины.

А внизу балкон Никорячихи. Не ровен час, во время прыжка ей ветерком Марьванны счастье задует. Тьфу-тьфу-тьфу.

Нет, сначала подготовка! Чтоб уж наверняка…

С трудом дождавшись первого богатырского храпа из комнаты Кощея, Марьванна, нервно притулившаяся под простыней на диване, подскочила и бросилась творить страшные дела.

Словно тать в ночи, осторожно ступая по лунным квадратам, кралась Марьванна в кладовку, завернувшись в свою простыню.

Рецессивный ген блядства зудел. И ликующей в предвкушении злодейства Марьванне хотелось выгнуться грудями кверху, раскинуть руки с вострыми когтями и зловеще захохотать страшным голодно-желудочным низким хохотом под гром и молнии.

В кладовке темно, тесно и душно, и никаких условий для комфортного колдовства, разумеется, не было. Как и электрического освещения.

Надежно затворив за собой дверь, в темноте и тесноте отбив локоть и зад о какие-то острые углы, едва не своротив пустые банки с-под варенья, отчаянно матерясь шепотом, Марьванна добралась до сундука.

Откинув тяжелую темную крышку, зажгла огарочек свечи, такой старый и вывалянный в пыли и крошках, что казался он зловеще-черным.

В сундуке было много странных вещей.

Склянки с пахучими травами, рассыпавшимися от старости в пыль, карты с непонятными символами и пугающие своей зловещей конструкцией инструменты.

На самом дне сундука, тяжелая и пыльная, лежала та самая тетрадь, своей торжественной монументальностью больше похожая на праздничный юбилейный альбом к пятидесятилетию Пердысь-Куминского комбината по замешиванию глины.

К ней Марьванна потянула дрожащие преступные руки, и едва не вскрикнула, когда над темным краем сундука, коварно и внезапно, словно перископ советской подводной лодки у берегов США, возникла лохматая черная голова наглого кота.

А ведь Марьванна могла поклясться в том, что кота под ногами не было, когда она, соблюдая все меры предосторожности и тишину, закрывала за собой двери!

Нечистая сила!..

— Так-так-так, — захихикал кот, щуря ярко горящие очи. — Что это у нас тут? Корешки, травки, черная магия? Приворот варить задумала, клизма ты старая?

Он сунул наглую толстую усатую рожу в сундук.

Жестокая новоявленная Марьванна, не раздумывая, безжалостно захлопнула крышку, намереваясь ею оттяпать наглому котищще голову.

Но, как всегда, промахнулась. Кот лишь сощурил желтые глаза и затрясся в язвительном хохоте, еще больше зля осатаневшую Марьванну.

— Хе-хе-хе-хе, — сказал кот. — Неразделенная любовь абсолютно всех женщин превращает в ведьм. Закон природы.

— Что надо, блохастый? — преступным ведьминским голосом некромантки-рецидивистки прохрипела Марьванна, пойманная с поличным.

Она лихорадочно припоминала, в каком углу стоит у нее тяпка.

Кот мог наябедничать поутру Кощею, растрепать все ее коварные планы. А значит, от усатого надо было избавляться.

«А Кощею скажу, — хладнокровно подумала безжалостная ведьма Марьванна, глядя в нахальные желтые глаза, — что кота зеркал засосало… или что по кошкам убежал шляться…»

От плана своего по привороту Кощея Марьванна отказываться не собиралась.

Рецессивный ген блядства, зараза, оказался на редкость упертым и безбашенным.

Близкая опасность не заставляла его в испуге отступить, а наоборот — заставляла идти вперед, в самое пекло.

И Марьванна подчинялась этим проснувшимся в ней инстинктам безоговорочно.

Однако кот повел себя неожиданно, даже на редкость миролюбиво и даже дружественно.

— Как это — что надо? — искренне удивился он. — Ты ж колдовать собралась. А я — ведьмин кот, помощник верный. Как без меня-то? Ты ж сейчас наколдуешь по неопытности чего попало… Вот, приглядеть надо, помочь.

— Не переживай за то, — хладнокровно парировала Марьванна, — у меня прабабка ведьмой была. В крови это. Справлюсь!

— А у меня прадед львицу снасильничал, — в тон ей ответил наглый кот. — А я вот не думаю, что справлюсь. То прабабка, а то ты. В каждом деле талант и умение нужно. Ты вона чай не умеешь толком заваривать, куда уж тебе колдовать без сноровки!

— А чего это ты мне помогать удумал? — хитро сощурила глаз Марьванна.

— Злые беззаконные дела поддерживаю из солидарности, — ответил кот важно. — Ну? Колдовать будем, али лясы до рассвета точить станем? Да не боись ты, Кощей спит сном богатырским, вернее Финиста, — тут кот снова мерзко захихикал, щуря мерцающие глазки. — Давай это все барахло на кухню, там удобнее будет.

На белом кухонном столе Марьванны, под глухим абажуром, была разложена старая тетрадь прабабки, склянки и прочая колдовская утварь, и кот, шевеля усами и чихая от пыли, потыкался мордой в выцветшие строки рецептов.

— Квасок «Ядреный хрен», — задумчиво прочитал он. — Нет, это немного для другого. Это потом варить станешь. Может быть. Пирог «Сладкая лис… пис…»…Тьфу ты! Срамота! А ты уверена, — с сомнением в голосе произнес усатый, повернув косматую башку к Марьванне, — что именно с приворота начать надо?

— А то с чего же?! — с возмущением поинтересовалась злая Марьванна.

— Ведьма ты старая, — злобным голосом змея подколодного ответил наглый кот, прижимая на всякий случай уши, — клизьма ты дряблая, на себя-то посмотри! Жабье ты рыло! Кощей хучь и старый, а все ж таки царь! Царица ему нужна красивая, важная, дебелая, статная. Мож, ради приличия и для начала красоту попробуешь навести?!

Марьванна, не раздумывая, за грубость огрела кота свернутым в жгут полотенцем — но снова промахнулась. Удар пришелся по пустой табуретке, а зловредный кот, увернувшись, похабно хихикал из-под стола.

Нет, конечно, оскорбленная до глубины души Марьванна была не молода — но и не страшна, как утверждал мохнатый похабник.

Но как бы Марьванна на него не злилась, в словах кота была крупица истины.

«Небось, будь я помоложе, да покрасивее, — размышляла Марьванна, разглядывая в зеркало свои белые кудри, — Кощей бы и задумался насчет моей кандидатуры…»

— Вона компот сварить можно, — подсказал зловредный кот из-под стола. — На развороте рецепт написан. Называется — «Очарование осени».

***

Пока Марьванна ставила на огонь чайник и подыскивала подходящую посуду — глубокую фарфоровую тарелку, — чтоб смешать ингредиенты, кот, усевшись на столе, раскидывал картишки, найденные в старом сундуке.

Марьванне, мельком глянувшей на его развлечение, показалось, что это был просто набор картинок, собранных из разрозненных колод.

У кота выпадало сразу две дамы червей. И одна из них была невероятного вида красоткой, а вторая — лягушка-царевна в жемчужной кокошнике, со стрелой в зеленой лапе.

— Да уж, — озадаченный своим гаданием, произнес, наконец, кот, быстренько, как продавец в мясном отделе, обвесивший покупателя, сгребая карты и надеясь, что Марьванна не заметила его манипуляций. — Ну, готово у тебя там?

У Марьванны было все готово.

На голову ее была повязана косынка, чтоб ни единый лишний волос не попал в колдовское варево.

На столе стояли чашка и старая фаянсовая круглая солонка с уныло громыхающим внутри соляным камнем.

Этой солонкой предполагалось толочь травы.

И кот, обнюхав ее, недовольно пошевелил усами.

А Марьванна под его строгим взглядом вытянулась в струнку, как семиклассница-двоечница на уроке домоводства, которой в первый раз в жизни предстояло приготовить борщ.

Она заметно волновалась; кот был предельно серьезен — значит, варево действительно могло помочь ей похорошеть. В душе Марьванны забрезжила надежда. А вдруг?..

«Анька, конечно, тотчас всем растреплет, что это я от любви и комплиментов похорошела, а Никорячиха просто позеленеет от зависти!» — размышляла готовая на все Марьванна.

— Ничего другого нету? — строго спросил кот, прислушиваясь к громыханию внутри солонки. — Что ж за хозяйство такое, чего не спросишь — ничего нету! А яду чем растолочь, если сильно понадобится? А соль попадет в варево — это ж другой совсем рецепт! Ладно; что ж теперь… Давай по порядку начнем, — Кот с умным видом уткнулся в книгу и принялся читать. — Щепоть лепестков одуванчика, щепоть корешков… щепоть! Не горсть, а щепоть! Куда ты столько цапаешь своими лапами! Корешков!!!! Крылья майского жука — майского, а не хруща! Я покажу тебе кузькину мать! А говоришь, справилась бы… темнота!

Марьванна в ужасе металась по кухне, вся взопрев от нервов и стараний.

Кот оказался лютым зверем, почище иных строгих учителей.

И даже сахар, который Марьванна добавила в свое опасное варево, пересчитал по крупинкам.

И, казалось бы, что можно было все это перетолочь в серую колдовскую пыль и поставить на жаркий огонь.

Но последней строкой рецепта внезапно означился цветок желтой хризантемы, и Марьванна так и села на табурет, бессильно и беспомощно уронив натруженные черным колдовством руки.

Не было в склянках хризантемовых цветов; только один высохший до прозрачности лепесток болтался. Мечта о внеземной красоте улетучивалась, как роса поутру.

— Да ладно, — сказала потрясенная до глубины души Марьванна. — Какие, к черту, хризантемы?!

— Демонов потом поминать будешь, — зашипел кот, вздыбив верную шерсть. — В свой черед! Чего ты мне рецептуру нарушаешь?! Понаберут дилетантов по объявлению… Сказано тебе — хризантему давай! Дава-а-а-у-у-у! Мя-а-у-у-у!

— Откуда на Руси хризантемы?! — возмутилась Марьванна. — Опечатка там. Производственный брак. Не могёт такого быть. Где б Ядвига в деревне глухой хризантемы добывала?!

— Хризантему! — яростно ворчал и рычал кот, дыбя шерсть и деря когтями скатерть. — Написано четко! От руки! Извела напрасно ингредиенты редкие! Жука-а-а-у-у!

Российским пенсионерам нельзя, ни в коем случае нельзя говорить эти два волшебных и страшных слова — «извела напрасно».

Они сработают похлеще любой черной магии. Они поднимают болезных вернее колдовства вуду и заставляют пенсионерский мозг работать на запредельных мощностях.

Никакой восмиядерный компьютер не просчитает вариантов выхода из ситуации быстрее, чем мозг пенсионера, потратившего что-то впустую.

Эти волшебные слова заставляют восполнять нехватку запчастей к пластиковым евроокнам веревочками, и отсутствующий шланг на сливе в кухонной раковине — баночкой.

Они помогают принимать такие решения, что никакому Илону Маску и не снились.

Если повторять эти страшные слова, да со злым умыслом, да почаще, любой среднестатистический Петрович окажется на Марсе намного раньше харизматичного американского ученого.

Эти жуткие слова всех понуждают действовать.

И Марьванна, вынырнувшая из пучины отчаяния, тотчас ощутила прилив сил и творческое вдохновение, словно колдун вуду кольнул ее иголкой куда пониже спины.

С одной стороны, можно было пробежаться до круглосуточного цветочного ларька — это всего в паре кварталов, делов-то! — и там раздобыть цветочек аленький.

Но доминантная врожденная девичья гордость подавила рецессивный блядский ген и надругалась над его трупом, исполнив пляску мести.

Еще мужика ради Марьванна на старости лет заморских дорогих цветов не покупала!

Что это за срамота еще такая?! Не слишком ли много знаков внимания сразу?!

Они с Кощеем и знакомы-то всего один день, какие хризантемы?!

Нет, покупку цветов Марьванна тотчас же решительно отмела.

Но из положения как-то надо было выходить, ибо зловредный кот порчу особо редкого майского жука не простил бы Марьванне никогда.

— Да полыни надеру, всего-то делов! — сообразила находчивая Марьванна. — Да побольше.

Кот встретил эту идею яростным ором.

— Не нарушать! — верещал он. — Не нарушать мне рецептуру! Какая еще полынь, ты в своем уме?! Ты отвар от блох варишь или для красоты компот?! Где полынь — и где царский японский цветок! Деревня! Ты еще коровью лепешку для улучшения цвету лица сюда шлепни!

Но тут восьмиядерный комп Марьванны, поднатужившись, начал проводить такие параллели, что у кота рот раскрылся и глаз нервно задергался.

— Вот смотри, кот, — страшным, плотоядным голосом проговорила Марьванна. — Например, есть у тебя рецепты с Ивашками всякими?

— Ну а как же, — на всякий случай осторожно подтвердил кот, не понимая, куда клонит Марьванна. — Классика. Ивашка пареный на лопате.

— Ну а если Ивашку этого заменить, — сверкая преступными глазами, продолжала гнуть свою линию Марьванна, — на кого-то из его семьи, скажем, на сестрицу его, Аленку, то кто лучше?

— Аленка, конечно, — недоумевал кот. — Она на лопате эстетичнее смотрится.

— Ну а магическая разница есть? — продолжала прошаренная Марьванна.

— Нет, конечно, — по-прежнему недоумевал кот.

— Вот и с полынью не будет! — ликуя, заключила Марьванна. — Они ж родственники!

— Кто?! — вытаращил глаза ничего не понимающий кот.

— Хризантема твоя и полынь, — ликуя крикнула Марьванна. — Из одного семейства, астровые!

— Ась? — переспросил подозрительный кот с уважением в голосе. — Ты ученая травница, чтоль?

— Ботанику в школе преподавала я, — сухо ответила Марьванна. — Ну, идем, что ли, пока не расцвело?

Она потрясла пустой банкой у кота перед носом. Кот задумчиво почесал ухо задней лапой.

— Ну, вообще, может ты и права, — после некоторых колебаний ответил он. — Может, и выйдет. Пошли.

***

В сером плаще с атласным подбоем, шаркающей нетвердой походкой, с видом убийцы сжимая в руке остро отточенный серп, обнаруженный в сундуке, Марьванна глухой ночью вывалилась из подъезда во двор вслед за юрким котом.

Оглушительно трещали ночные насекомые, цикады и прочая мошкара. Пахло листьями и дымом — кто-то курил в ночной тишине на балконе.

— Да куда ты потопала, — ругнулся на Марьванну из темноты кот, которого обозначали в пространстве только желтые блестящие глаза. — Ты что, не знаешь, где цветы для зелий рвать надо?! Только на севере! Строго в луне под Водолеем!

— Ихма, — взгрустнула Марьванна, — где ж я тебе его возьму, Водолея-то? Я ж не астроном, а ботаник!

— В ведьминской профессии надо быть универсалом! А если нет, то я на что? — гордясь собой, ответил кот.

Одним желтым оком он уставился на Луну, а второй его косящий глаз острым взглядом стрельнул в другую часть звездного неба.

— Я — точный астрономический прибор! Вот он, Водолей, — промявкал довольный кот, у которого, казалось, разъехавшиеся в разные стороны глаза сейчас морду напополам разорвут. — Значит, север у нас там. Что, растет полынь в той стороне?

Полынь там росла; за трансформаторной будкой, возле стола под старым кленом, на котором доминошники забивали «козла» и пили пиво.

И тропинка, по которой загулявший Петрович обычно возвращался от свой пассии, тоже лежала там же, мимо пышных, остро пахнущих зарослей полыни.

Ею же, родимой и горькой, заедал он перегар, если случалось где-то причаститься. И ее же в качестве цветов дарил супруге.

Глава 5. Девушка с косой. Искушение Марьванны

Марьванна была нашим человеком, и привычная работа поглотила ее целиком.

Остро отточенным серпом она кромсала заросли, сопя и фыркая в них, как жестокий носорог на берегу Нила. И так увлеклась, что все происходящее ей уже не казалось чем-то странным и необычным. Ну, полынь, ну отвар — что такого?

Где-то в темноте чихал кот, обнюхивая местные кошачьи столбы объявлений, и в целом царила идиллия.

Пока в едко пахнущих горечью кущах не появился еще один, вражеский и жестокий, носорог, хрустящий сухостоем и крадущийся в темноте как армия Колчака по широкому полю в лунную ночь.

Марьванна прекратила свои разрушительные сельхозработы и затаилась, словно Чапаев с пулеметом в засаде.

В воздухе приторно запахло дешевыми духами «Незабудка», соперничающими своей ядреностью с забористым дихлофосом.

Зловещий запах этот родил в сердце Марьванны тоску и жестокость. В приближающемся человеке она учуяла врага. Явно назревал бой.

Светила луна.

— Ты чего это, Маш, на ночь глядя, — раздался из темноты коварный и подлый, слащаво-приторный голос кривоногой Никорячихи, которая прокралась за Марьванной естественно шпионить. — Никак пустырь решила облагородить? Бурьян порубить, цветы посадить? Ну да, ну да… это верно, это правильно, это хорошо. Кавалер-то твой все цветы переломал… Тебе за него отвечать, огрехи его исправлять.

Никорячиха явно злорадствовала.

В каждое слово она влила яду и нехорошего, снисходительного и высокомерного удовлетворения очень щедро.

Так щедро, будто собралась писать свою книгу «Преступление и наказание» с Марьванной в главной роли.

Марьванна, малодушно не вынеся первой же провокации, пылая от праведного гнева, с громким хрустом разогнулась, выдав место своей засады и испепелила взглядом заросли, где по ее мнению, скрывалась Никорячиха, вещающая о правильности вещей сладким голосом крокодила-людоеда.

Марьванна Никорячиху не любила.

И не только из-за извечного соперничества за сердце ловеласа-Кирюхи, но и за повышенную ядовитость соперницы, замаскированную под добродетель.

Вот, вроде, говорит Никорячиха все верно и правильно, но отчего-то от ее слов всегда изжога возникает и нервы трещат, как канаты в шторм.

Еще интеллигентка-Никорячиха, словно тля, выделяющая сладкий сок для муравьев, любила лебезить передо всеми соседями.

Особенно почему-то перед зловредным Петровичем.

Ему патоки ее речей перепадало больше всех.

Некоторое время Петрович даже с интересом поглядывал на приветливо улыбающуюся Никорячиху, как мартышка на приманку в силке.

За ним подуманная Никорячиха даже окурки подметала. И здоровалась с ним так вежливо-сладко, что одно время Марьванна подумала, что половой гигант Петрович купится на ее приветливость, бросит свою любовницу, переметнется на одинокую Никорячиху.

Вечерами, думая, что никто не слышит, они долго и интимно беседовали на всяческие отвлеченные темы. Петрович — снизу, растаптывая остатки георгинов и дымя своим отвра-

тительным табаком, Никорячиха — сверху, с балкона, прижимая ручки к груди и дрожа от переполнивших ее чувств искусственными цветами на шляпе.

Марьванна, на своем балконе затаившись в зарослях цветов, покатывалась со смеху.

Их можно было слушать как оперу о любви двух тоскующих сердец. «Аида» и «Тоска» были в пролете.

Но отчего-то соития двух трепетных душ не произошло.

Прелести кривых ног Петровича не завлекли, рецепты яблочных пирогов не возымели действия, а может, у Петровича кой-где слиплось от писклявого ласкового сладкого голоска.

Да только однажды вместо очередной арии Дидо Петрович шарахнулся от своей подруги, как от прокаженной, и больше восторженных дифирамбов под окнами не выл.

И оттого речь Никорячихи стала еще слаще и еще ядовитее — примерно, как мышьяк.

«Ему ни слова поперек не сказала! — зло подумала Марьванна, припоминая нежные ростки по весне, которые Петрович намеренно топтал грязными сапожищами. — А моему Коше стоило нечаянно разок упасть — все, я должна обществу больше, чем внешний долг Америки!»

Никорячиха же от несправедливости судьбы страдала. Она искренне не понимала, почему люди от нее шарахаются, это ее обижало. Кирюха, Петрович…

А вот с Марьванной у обоих стариков была химия.

Это было заметно, ясно не только Никорячихе — всем.

А теперь еще и молодой ухажер у Марьванны появился!

Конечно, этак можно и от зависти помереть. Яд надо было срочно слить. Сцедить излишки в бурьян.

И Никорячиха, преисполненная древней, как мир, жаждой мести пошла в ночь, в дикие шумящие заросли, чтоб сжечь нафиг Марьванну своим злословием, как мстительный вьетнамец американскую армию напалмом.

Сжечь насмерть, дотла, заставив ее корчиться в предсмертных муках.

Словно убийца-ниндзя, ловкий как обезьяна, выступила она против Марьванны.

И та встала, как бесстрашный самурай, ищущий смерти, против луны, зловеще опустив свое оружие и ожидая нападения врага.

— Вот тут, Маш, еще и репей растет, — угодливо подсказывала Никорячиха, хрустя в темноте кривыми ногами и быльем. — Руби его. И клены вон, молодая поросль. Ну, чего встала-то? Трава сама себя не вырвет.

— Нет, — хриплым кровожадным голосом ответила непокорная Марьванна, сжимая свой серп с видом убийцы и молясь, чтобы Никорячиха сию минуту замолкла.

Воображение рисовало ей кровавые картины расправы, в которых серп вспарывал раз за разом тощее дряблое горло ехидной старухи.

И неспешно, как нож матерого наемника Рэмбо, вытирался о потоптанную шляпу с цветами…

— Мне нужна только полынь.

— Ой, а чего это? — наивно защелкала веками Никорячиха. Это щелкание, наверное, и на окраине города слышно было. — Зачем это?

— Кошечка заблохастела, — в воображении Марьванны свирепо лязгнуло скрестившееся оружие противниц. — Отварить хочу полыни и выкупать.

— Откуда ж блохи у твоей кошечки, — ядовито поинтересовалась Никорячиха, полагая, что ловит Марьванну на лжи и оттого торжествуя, — она ж на улице не была!

— Ты вот тоже замужем не была, — жестоко парировала беспощадная Марьванна, — а сын у тебя есть! Откуда б?

Бесстрашный самурай умело отбил первую атаку; сюрикэны ниндзя ударились об острый меч его злословия и вернулись, поразив самого ниндзя.

Никорячиха во тьме предсмертно захрипела, давясь ядом и воображаемой кровью от смертельной раны, нанесенной ей Марьванной.

Это был удар ниже пояса.

Все отлично знали, что сына добродетельная тощая интеллигентка Никорячиха, прикидывающаяся кроткой целомудренной овечкой, нагуляла и вдруг родила как-то внезапно для самой себя.

Кто был отцом — неизвестно.

Он испарился из жизни наивной Никорячихи быстрее Кирюхи, не простившего своей поклоннице такого коварства и измены.

Всю приветливость с Никорячихи как ветром сдуло.

— Старая дура! — нервно выкрикнула во мраке страдающая Никорячиха. Ее топорный удар был слишком прямым, Марьванна отразила его недрогнувшей рукой.

— Сама дура! — выкрикнула она, кровожадно потрясая серпом.

Наверное, только его опасное сверкание спасло ее от немедленного нападения Никорячихи.

Не то бабка, уличенная во блуде, набросилась бы на Марьванну и проредила ей кудри.

— Ведьма! — восхитился злобностью Марьванны кот, сидящий в кустах и с радостью наблюдающий перепалку.

Крики сражающихся разносились над полем брани в целом и над всем спящим микрорайоном в частности. Они просто не могли не привлечь постороннего внимания, и скоро на дорожке, ведущей к месту боя, заскрипели чьи-то шаги.

Никорячиха, которой терять было нечего, подхватив юбку, бросилась прочь, не желая быть застигнутой и уличенной в ночной ругани. Марьванна же бежать не могла. Нарубленная полынь ворохом лежала на земле, и кинуть ее означало отказаться от задуманного. А это в планы Марьванны не входило.

Светила луна.

Собирая горько воняющие стебли, пыхтящая, как голодный бегемот Марьванна по характерному шарканию по дорожке опознала Кирюху.

Он хромал с тех самых пор, как молодым еще получил заряд соли в задницу, убегая голышом от чужой жены.

Соль рассосалась, шок — никогда.

И Кирюха волочил ногу лет этак тридцать.

Но даже этот судьбоносный выстрел не поубавил в нем желания до чужих женщин.

Вероятно, в детстве ему не объяснили, что брать чужое не хорошо, вот он и отрывался по полной всю свою жизнь.

— Кто тут? — строго, словно часовой на границе, крикнул он, останавливаясь и приглядываясь. — Что шумите? Мария — ты, что ли?

Марьванна ответила суровым сопением, которое Кирюха не мог спутать ни с каким другим. Звуки родного голоса тотчас запустили сложную химическую реакцию в его организме, вследствие чего Кирюха приосанился и частично перестал хромать.

— Какая ты темпераментная, Маша, — воркуя голубем, продолжил Кирюха, косолапо подгребая к Марьванне. Глазки его в свете луны блестели масляно, похотливо. — Все воюешь, неугомонная… Чего с Веркой-то опять не поделили? Обижает она тебя, да? Так ты только скажи, мы ее пропесочим на общедомовом собрании… не дадим уж небось тебя в обиду-то. А хочешь, — Кирюха интимно понизил голос до регистра Элвиса Пресли, — я к тебе на чай загляну? Поддержу, так сказать…

«Чтоб тебе пусто было, — со злостью подумала Марьванна, сгребая свою добычу. — Что вас всех сейчас-то прорвало, когда мне личную жизнь налаживать приспичило?!»

Вообще, предложение Кирюхи было более чем заманчивым и более чем понятным. Все его визиты на чай в молодости оканчивались бурной любовью с криками и странной, загадочной связью на полгода, год.

Он возникал внезапно, как айсберг перед «Титаником», и, упившись страстью, так же внезапно исчезал на несколько лет, оставив Марьванну в недоумении у разбитого корыта.

И сейчас он, по сути, предлагал ей то же самое — тряхнуть стариной напоследок.

Раззадоренный внезапным появлением в жизни Марьванны постороннего мужика, Кирюха тотчас решил, что надо отбить свою женщину у чужака — а он таки считал Марьванну своей женщиной, — чтоб показать, кто в доме хозяин.

Посостязаться, значит, с пришельцем, полностью уверенный в своем превосходстве.

И Марьванна это прекрасно понимала.

Соображая, что, вероятно, таких предложений больше не поступит, Марьванна совершенно четко поняла, что ей уж совсем скоро семьдесят.

И впереди — одинокая старость, тихие вечера и тишина, которую разбавляет только бормотание телевизора.

А предложение Кирюхи — это впрыск адреналина. Это минимум полгода, гарантированно отнятых у безжалостного одиночества. Полгода времени, потраченного на новые платья, на помаду и кручение-верчение перед зеркалом. Полгода…

А Кощей не факт что приворожится.

Совсем не факт.

Отвар, ради которого Марьванна ночью бесстрашно вышла на пустырь, мог не сработать. Красавчик-Кощей и вовсе мог подцепить себе молодку и свалить в зеркало прям завтра. И все кончилось бы так же стремительно, как и началось, но…

А как же все-таки Кощей? Как же его неприветливая, суровая и строгая красота, как же его серьезные намерения?!

Как же любовь всей ее, Марьванны, жизни?!

Неужто можно ее предать?! За банальный, ни к чему не обязывающий перепихон со старым потаскуном?!

К девичьей гордости присоединился ген добродетельной верности.

Раньше он срабатывал только на Кирюху.

Но теперь, оказавшись ночью лицом к лицу с коварным соблазнителем и встав перед выбором, ген этот почему-то поддержал добродетель и помог добить поверженный ген рецессивного блядства, вероятно даже ногами.

Кирюхе он при этом цинично показывал оскорбительные факовые комбинации из пальцев, и Марьванна, прислушавшись к этой борьбе в своей душе, лишь тоскливо вздохнула.

— Нет уж, — грубо ответила она. — Есть теперь, кому мои чаи распивать. Благодарствую.

Ничто так не заводит мужчину, как отказ желанной женщины.

Это как бутерброд с колбасой, который проносят мимо твоего рта.

Это как самая тонкая интимная игра.

Как вызов; как объявление войны.

Ответ Марьванны, этой соблазнительной сердитой чертовки, завел Кирюху как откровенный танец Дженнифер Лопез своим лопезом. Это было ново и маняще; старые чресла бывалого ловеласа воспламенились от желания поставить негодяйку к стенке и расстрелять ее без права на помилование.

— Ты это о прыгуне? — небрежно поинтересовался Кирюха, заходя к Марьванне с тыла и пытаясь прихватит ее за несговорчивый лопез. — Да брось ты, Маняша… какой там чай… Хочу прямо сейчас, прямо здесь…

Марьванна от растерянности окаменела.

Еще никогда ее не пытались изнасиловать на пустыре в полыни, и тело ее предало — окаменело, превратившись в бесчувственное полено. Марьванна и руки не могла поднять.

Вот это предательство так предательство! Засада!

Светила луна.

— Слышь, отец, — раздался из зарослей страшный, хриплый и преступный голос. — Закурить есть? А если найду?

Слова эти возымели волшебное действие.

В миг горячий альфа-самец— перестарок испуганно скукожился, убрал похотливые потные руки от задницы Марьванны и припустил с такой скоростью по дорожке, что стало совершенно ясно, что он чудесным образом вылечился от хромоты.

Клин клином, как говорится…

С громким криком Марьванна отошла от ступора и махнула своим серпом в сторону с предполагаемым нападающим. Но в ответ услышала лишь знакомое гаденькое хихиканье.

— Ты чего, — покатываясь со смеху, стонал черный кот, утирая слезящиеся глаза лапой, — это ж я! Ну, развоевалась, чисто валькирия! Собирай давай свое сено, пошли до дома, что ли…

Глава 6. Суп с котом

— Маша, не горячись! Одумайся, Маша! Возьми себя в руки! Маняша-а-а!!

Кот, мелко тряся хвостом и беспомощно помявкивая, бежал со всех ног за Марьванной, но не поспевал.

Обозленная столкновением с соседями, Марьванна воспылала ненавистью ко всему роду человеческому. И в таком состоянии неслась домой, устилая свой путь переломанными стеблями полыни.

А это было совсем не то настроение, чтоб варить целебные маски красоты.

Об этом кот пытался втолковать Марьванне, чуть не плача от отчаяния и не поспевая за ней.

Об этом он орал хриплым мявом, убеждая разъяренную женщину в том, что с колдовством не шутят, но услышан он не был.

Все существо Марьванны было захвачено разрушительным, как Инферно, гневом. Марьванна хотела сейчас одного — мстить, или хотя бы от души выматериться.

В этом гневе она внеслась домой, сжимая несчастный пучок полыни.

В этом праведном гневе она подергала меленьких желтых невзрачных цветков, сыпля их в колдовские ингредиенты горстями — вместе с изодранными мятыми листьями и зазевавшимися несчастными обезглавленными букашками.

Утробно рыча, словно Волк, переваривающий Красную Шапочку, с хрустом перетолкла она все солонкой, притом действовала так решительно и грубо, что камень в солонке громыхать перестал, не вынеся гнева Марьванны и рассыпавшись.

Хорошо хоть тарелка выдержала.

Кот, убоявшись ярости ведьмы, засел под столом, прижав уши и высунув лишь самый кончик носа, к которому скатились вытаращенные от ужаса желтые глаза.

— Маняша, зачем же так грубо… — в последней попытке предотвратить Армагеддон мяукнул он, но было поздно.

Все это, измельченное, растерзанное и перемолотое в жерновах страстной ярости Марьванны, отправилось в кастрюлю, было залито кипятком и безжалостно потыкано деревянной лопаткой.

Вслед за этим Марьванна буквально выплюнула долгое нецензурное ругательство, в котором она высказала самую концентрированную суть того, что она думает о соседях в целом и о каждом по отдельности в частности.

Зелье, приобретшее благодаря полыни приятный зеленоватый оттенок, тотчас же вскипело ключом, как целебные грязи на минеральных водах, вспенилось мелкими пузырьками, и кот припал к полу, закрыв голову лапами.

Демоны, к которым взывала Марьванна на ночь глядя, были пробуждены.

Ее изрыгающий проклятья голос был словно громыхающий будильник над их головами, и они собирались творить зло спешно, как пожарная команда, поднятая по тревоге.

— Маняша, остановись! — молил кот, но Марьванна, разбушевавшаяся не на шутку, ответила ему адским хохотом, яростно намешивая свое варево, которое с каждым поворотом ложки становилось все гуще, вроде зеленой вонючей карамели.

При этом оно выглядело омерзительно, как сопли мамонта, тряслось как желе и противно, как голос Никорячихи, булькало.

— Маняша!

Кот был ученый, поэтому считать умел.

С замиранием сердца он отсчитывал зловещий скрежет деревянной лопатки по дну кастрюли и молился красну солнышку, чтоб Марьванна хотя б тут не успела. Не провернула в стремительно густеющем вареве ложку положенное количество раз.

Но не тут-то было: с шестьдесят шестым поворотом ложки кастрюля сыто и зловеще булькнула, оповещая, что зелье готово.

И почти тотчас же пропел заспанный петух, подгоняя наступающий рассвет.

Но было поздно. Втянув в себя воздуха побольше, кастрюля раздулась, как резиновая, и со свистом подлетела к потолку, обдав все кругом недобрым канализационным запахом, накрывшим кухню, словно ядерный гриб.

— Дело сделано! — замогильным голосом произнес кот.

Петух, спеша все исправить, проорал второй раз, отгоняя силы зла.

В комнате за стеной заворочался, просыпаясь, Кощей.

Подлая кастрюля, неспешно покрутившись под потолком, грохнулась на плиту.

И зеленая жижа, пузырясь и чавкая, осторожно полезла наружу, словно инопланетянин-разведчик, покидающий свой корабль.

— Это что за гадость?! — упавшим голосом произнесла Марьванна, ухватив торчащую из жижи ложку и стараясь запихать зеленую субстанцию обратно в кастрюлю.

О красоте, разумеется, можно было позабыть.

Никакой мужик в мире не стоил того, чтобы попытаться съесть это в себя.

Или даже намазать на какую-то часть тела. Фиаско было налицо.

Зеленая гадость ложку не отдала.

Более того — она нахально выдернула инструмент у Марьванны из рук и с циничным видом переломила ее у перепуганной женщины перед лицом, опасно, как бандит в подворотне, цыкнув лопающимися пузырями.

Марьванна могла поклясться, что расслышала в зловещем кипении гоповатую наглую фразочку «а если найду?».

И звучала она так, что кровь стыла в жилах.

Компот Марьванны, магическим способом наделенный разумом, отчего-то вел себя как матерый уголовник-рецидивист в синих куполах, оттянувший двадцать лет по совокупности. И на достигнутом он явно не собирался останавливаться…

— Ты, Маняша, тоску зеленую сварила, — пятясь назад, ворча и дыбя шерсть, прокричал кот хриплым мявом. — Тоску зеленую да лютое лихо одноглазое. Зло страшное… Говорил тебе — не нервничай! Вот он, темперамент твой, вот они — способности! Лучше б я львицу попробовал…

Меж тем петух проорал трижды, и Кощей проснулся.

Это было совершенно понятно, потому что он сладко почмокивал и молодецки потягивался до хруста.

— Маняша, от этого надо избавиться, — простонал кот таким несчастным голосом, будто на кухне у Марьванны лежал расчлененный труп. — Кощей Трепетович не любит, когда против него дела черные замышляют. Добро б у тебя вышло все, а вот этот холодец ему как объяснишь?! Осерчает, и конец тогда нам с тобой!

— А что он сделает-то, что, — хорохорясь, слабо вякнула Марьванна.

— Запрет, замурует обоих в башне, и гадость эту подкинет, — ответил кот умирающим голосом под столом. — И будем мы век свой в слезах и соплях коротать.

Старая кровать затрещала под поднимающимся Кощеем.

Марьванна, сообразив быстрее восьмиядерного компа, ухватила крепкий желтый мешок с логотипом местного супермаркета и вывалила свое варево туда, намертво завязав узлом прочные ручки.

Жижа, оказавшаяся взаперти, недовольно заворочалась.

С ужасом, словно в фильме-хорроре про пришельцев, Марьванна видела, как оно тычет деревянной ложкой изнутри, стараясь найти выход.

Это было так же жутко, как Хайлайновские кукловоды. Как мозговые слизни из Футурамы!

Теплое и явно живое, оно ворочалось в руках Марьванны, и кот смотрел на пляшущий мешок с благоговейным ужасом.

— На балкон его, быстро!

Марьванна твердой недрогнувшей рукой ухватила кота за шкирку. И в следующий момент он очутился за окном, висящим на полотенце, с мешком, зажатым в зубах, с тоской в глазах и с отчаянием в сердце, словно Мориарти над водопадом.

— М-м-м… — попытался завопить кот, изо всех сил цепляясь когтями за полотенце. Но Марьванна страшно цыкнула на него, и он обреченно затих, покоряясь ее злой воле.

— Раз… Два…

До трех Марьванна досчитать не успела: раскачивая кота на полотенце, стараясь забросить его на свой же балкон из окна кухни, она придала снарядо-коту нехилую амплитуду.

И кот, зажмурившийся и ссущийся по своему обыкновению, мешок в зубах не удержал.

С треском резанулись об острые котовые зубы ручки пластикового мешка, и жижа с чавканьем приземлилась прямо на приоткрытую раму окна Никорячихи.

Кот же, черным снарядом перелетев через ограждение, теперь с виноватым видом выглядывал, как перископ пристыженной светской атомной подводной лодки, с балкона Марьванны.

Впрочем, несмотря на то, что кот изображал отчаяние и раскаяние, он все же был рад, что мозговой слизень, сваренный Марьванной, оказался на отдельной от него, от кота, территории.

Марьванна яростно погрозила ему кулаком.

— Что делать теперь?! — прокричала она страшным шепотом коту. — Как это добыть обратно?!

— Потом придумаем! — так же шепотом прокричал кот, и перископ ушел на глубину.

Кощей, зевая и почесываясь, бродил по квартире Марьванны, пытаясь совершить утренний туалет.

Кот надежно спрятался на балконе в зарослях экзотических цветов; Марьванну терзало запоздалое раскаяние и недобрые предчувствия.

Максимально высунувшись из окна, она заглянула пристальнее на карниз окна Никорячихи, и в свете серенького рассвета с ужасом увидела, что мешок с жижей разбился аккурат об приоткрытую по случаю летней духоты раму вдребезги.

Бренные останки пакета трепетали на ветру, зацепившись об острый угол.

А сама жижа-рецидивист, крепко зажав обломок ложки, распласталась на подоконнике Никорячихи, слегка контуженная падением.

Выглядело это так, будто Никорячихе на подоконник Кикимору вырвало.

Но это было не самое страшное. Намного страшнее было то, что жижа потихоньку очухивалась и медленно сползалась в плотный ком, оглядываясь по сторонам и намереваясь творить зло…

Глава 7. "Кто это сде-елал?! Ай-я-яй!"

Зеленая жижа, она же Тоска, она же Лихо, была зла, как маленькая слюнявая болонка, захлебывающаяся истеричным лаем и пытающаяся укусить себя самое за хвост.

Ей было совершенно все равно, кому портить жизнь, и беззащитная спящая тощая рыжая конопатая Никорячиха подходила на эту роль как нельзя лучше.

Придя в себя и как-то сориентировавшись в пространстве, жижа ткнула своей ложкой раму.

Небрежно стряхнув печально колышущийся на ветру пакет, она уничтожая следы своего проникновения в дом.

И тихо-тихо, по-рецидивистски умело сползла по батарее на пол.

Тут нужно особо отметить, что в качестве коварного соперника Никорячиха ничуть не уступала ни новоявленной жиже, ни даже пришельцам, если б таковые посмели все-таки высадиться на Земле.

Перелаявшись с Марьванной в кустах полыни, Никорячиха твердо решила с утра выследить ее нового ухажера прям с утра. Подкараулить его у дверей и построить ему глазки, чтобы злая ревность изглодала сердце Марьванны до дыр.

Таинственный незнакомец-прыгун был человеком новым, ничего о ней, о Никорячихе, знать не мог.

В то, что Марьванна станет ему перво-наперво рассказывать о грехах своей соперницы, Никорячиха не верила.

Значит, шанс понравиться молодому ухажеру соседки был. Ласковыми речами, воспитанием, безупречным внешним видом.

С утра ей надо было быть во всеоружии. Поэтому сразу после перепалки с Марьванной Никорячиха ворвалась домой и рухнула спать.

Когда жижа врезалась в ее окно, Никорячиха, тонко посвистывая носом, храпела в своей постели в изящной позе Тутанхамона.

Не услышала она жирного шлепка, с которым жижа украсила ее подоконник, потому что спать укладывалась, воткнув беруши, чтоб уж наверняка ничто не потревожил ее сон.

Для улучшения цвету лица с вечера Никорячиха намазала лицо кремом пожирнее, чтоб блестело, как у сытого тюленя.

На тощенькие узловатые руки натянула нитяные перчатки — тоже с кремом, — и, надвинув на лицо маску, чтоб нечаянный свет не разбудил ее раньше будильника, торжественно сложила руки на худой грудке и медленно опустилась на постель как в золотой саркофаг.

На лице ее блуждала мягкая мечтательная улыбка, словно она слушала прекрасную классическую музыку.

Но на самом деле она просто воображала, как с утра будет дрожать интеллигентскими шляпочными цветами перед новым соседом.

Никорячиха была женщиной аккуратной, это правда.

Мало того, что она во сне умудрялась не пошевелиться ни разу за ночь, не ткнуться в белоснежную подушку масляной рожей, так еще и вещи в ее доме стояли все на своих местах, по полочкам и по линеечке.

Даже кота Никорячиха не заводила потому, что тот наверняка не сумеет ходить строем. И, гадя, будет закапывать свои дела не по феншую. И пахнуть от него будет наверняка не розами.

Чтобы отравить Никорячихе жизнь и довести ее до нервного срыва, достаточно было просто раскидать все. Или поменять местами томики Гоголя и Катаева, кои поблескивали позолотой за стеклом книжного шкафа.

Но жижа, хоть и не имела головы, была существом куда более злобным и изобретательным.

— Гы-гы-гы, — сказала гадкая злобная жижа, вскарабкавшись на постель к мирно спящей, как тихий рыжий ангел, Никорячихе и оглядывая все кругом. — Ы-ы-ы-ы-ы…

Осторожно шлепая пузом, она наползла на спящую и осторожно, по миллиметру, словно отчаянный итальянский партизан под колючей проволокой, наползла Никорячихе на желтеющее в полутьме лицо.

Аккуратно сдвинула маску выше удивленно-морщинистого лобика.

Длинный острый нос спящей старухи разорвал зеленого слизня и торчал из жижи, словно опасный акулий плавник.

Спящая улыбалась сквозь полынную зелень; жижа была мягкой и все еще теплой. И оттого Никорячихе снилось, что она прижимается к чьей-то мужественной груди своей дряблой тощей щекой.

Но жижа наползла не просто так, не посмотреть, как старуха будет выглядеть с плевком гриппующего мамонта на лице.

Тщательно, словно шершавым кошачьим языком сметану, будто тонким наждаком — деревянную пыль, слизала она своим мягким пузом весь крем с лица старухи.

И уползла по подушке, пачкая ее белоснежную крахмальную наволочку жирным следом и усеивая свой путь трупами дохлых сваренных козявок.

Никорячиха недовольно поморщилась; в ее снах мужественная грудь отстранилась от нее.

Стало отчего-то холодно и неуютно. То кожа ее после облизывания жижей стала сухая, как пустыня Сахара, стянулась, покрылась трещинами и порядком позеленела.

На лбу вспухла огромная коричневая бородавка, тотчас же расцветшая пучком жестких седых волос.

— Гы-гы-гы, — сказала негодная жижа, радуясь устроенной гадости.

Воинственно размахивая деревянной ложкой, немного подросшая жижа продолжила свое путешествие по дому аккуратной Никорячихи.

Она заползала на столы и на тумбочки, оставляя неряшливые отпечатки, словно пыль протирали масляными блинами.

Она залезла в шкаф, в крахмальное белье старухи, и все там перерыла, перепачкала и усеяла трупами мошек.

Побывав в прихожей и ощупав все карманы, жижа нашла шляпу Никорячихи и оставила там немного бурой слизи.

Обсосала искусственные цветы, превратив их в жалкие грязные тряпочки на тонкой голой проволоке.

В ванную жижа заползла уже размером со спаниеля от набившихся в нее тряпочной пыли, мусора, дохлых мух, крошек хлеба, остатков помидорок из салата и ядреной вытяжки из глубины помойного ведра.

— Ы-ы-ы-ы, — радовалась жижа, почти благоговейно ползя по белоснежному кафелю, к фаянсовому цветку высокого умывальника, над которым на стеклянной полочке красовались старушачьи крема и шампуни — секрет неувядающей красы и молодости.

И крем дневной, и крем ночной, и утренняя маска для увлажнения, и вытяжка смородины для надресничного пространства верхнего века, и спрей для устранения эффекта высохшего ногтя, и бальзам для внутренней поверхности ноздрей…

Тут было всего так много, что позавидовала бы и Мэрилин Монро.

Красивые баночки, пузатые и плоские, высокие флаконы манили жижу.

Пахнущая свежескошенной травой рыжая хна в глянцевом пакетике влекла жижу к себе.

Вскарабкавшись в умывальник, наполнив своей грязно-зеленой, почти бурой тушей белоснежную чашу, зловредная жижа свесила не вмещающиеся части своего тела, словно ноги, и потянула гибкие ложноножки к баночкам.

Сворачивая крышечки ловко, как алкаш водочные пробки, жижа одним надавливанием выпрыскивала в образовавшееся в ее теле отверстие приятно пахнущие ароматические масла.

Ложкой щедро черпала жирный крем из жестяной банки и отправляла туда же, в импровизированный рот.

И, сыто икая, словно мартини лениво лила в свое толстое пузо дорогие шампуни и бальзамы.

Неспешно и деловито воткнув в свое пузо ложку, потом она долго и с толком перемешивала все это внутри себя, ну, вы понимаете.

Крема, шампуни, помидорки, мошек, помои…

Затем, деловито и цинично подбирая в хаотичном порядке выдавленные пустые тюбики, она отрыгивала наполнитель своей туши, наливая красочные упаковки до краев сомнительно пахнущим содержимым.

И небрежно заталкивала обратно на полку, устряпав все кругом жирными пятнами и залив мутной мыльной водой.

Устав и испытав удовлетворение и чувство выполненного долга, жижа прямо в раковине умывальника неторопливо приняла ванну, ложкой выковыривая из себя всякую гадость и посасывая новый, только что распечатанный кусок мыла «Дав».

Все кругом было залито водой и забросано ошметками мусора, когда отмытая до прозрачности бутылочного стекла жижа выпустила струю мутной грязной воды в зеркало и покинула раковину, икая пузырями.

Спать жижа забралась под кровать Никорячихи.

Она очень хотела послушать с утра, как опаршивевшая после ее компресса старуха будет орать.

Кроме того, в доме было еще много неиспорченных предметов. Жижа, уютно устроившись на блестящем паркете, задремала, грезя о том, как будет портить книги и мерить старухину обувь.

***

Ровно в семь ноль пять, по звонку будильника, Тутанхамон восстал ото сна, резко сев в постели и с хрустом разогнув скрещенные на груди руки.

Глаза рыжей Никорячихи распахнулись, и она увидела свет — само по себе событие ужасное, потрясшее ее до глубины души.

Ведь поутру первое, что она обычно видело — это была темная ткань маски для сна.

Стащив с рук перчатки, Никорячиха ухватилась за трясущиеся от испуга щеки, и ее пальцы разве что не утонули в песке.

Кожа ее шелушилась, сухо шуршала и местами чесалась, и Никорячиха, стеная, вцепилась в лоб ногтями, отчаянно зудясь.

Все ясно, все совершенно ясно!

Это вчера, в полыни, она поймала какой-то аллерген, и ночью, во сне, исчесалась и сдвинула маску!

— Чтоб ты провалилась! — завопила Никорячиха, подняв злые глаза под отекшими веками вверх, к потолку.

От стараний жижи все ее лицо было жутко красным, саднило, словно кто-то ее провез щеками по асфальту, и распухло так, что Никорячиха здорово смахивала на обгоревшего на солнце китайца непонятного пола и возраста.

Стеная и ругаясь, хватаясь за сердце, Никорячиха в одной рубашонке заскочила в ванную комнату, и тут ее ждал еще один неприятный сюрприз.

Все выглядело так, словно кто-то помыл собаку после прогулки по помойке.

И оторопевшей, падающей в обморок по косяку Никорячихе показалось, что она попала в какое-то другое измерение, в иной мир, в котором она все-таки окрутила Кирюху и вышла за него замуж.

И вот он, паршивец, вернулся с охоты, надраил свою шавку ее, Никорячихи, шампунями, и оставил в ванной полный разгром.

— Так, так, хорошо, — бормотала Никорячиха, в полуобморочном состоянии соображая, что вероятнее — попадание ею в другой мир или все же то, что какая-то чужая псина проникла в ее дом случайно.

А закрыла ли Никорячиха за собой дверь после схватки с Марьванной?!

На мутном-мутном зеркале висели помидорьи шкурки и селедочный скелет.

Близоруко вглядываясь в маячащее за ними отражение, Никорячиха нервными узловатыми пальцами отыскала на полочке, залитой грязной серой водой, баночку с вазелиново-димедроловой мазью.

Отек и аллергический зуд нужно было устранять!

Но стоило ей ткнуть пальцем в спасительную мякоть мази, как Никорячиха по ядреному запаху зарождающихся опарышей, шибанувшему ей в ноздри, поняла, что никаким димедролом тут и не пахнет.

Вытаращив глаза, в ужасе она уставилась в баночку, на свои пальцы, перепачканные черт знает чем, и завопила громче, чем аварийная сирена.

Этот крик в муках гибнущего существа перебудил весь дом — и злобную жижу в том числе.

Чуть высунувшись из-под кровати, она гнусно гыгыкала, слушая, как в ванной льется вода, гремят откупоренные банки и бутылочки, и как орет исступленно и отчаянно Никорячиха, ополоснувшая, наконец, из душа зеркало.

Злобная жижа потирала ручки, упиваясь воплями старухи.

А та металась на тощих полусогнутых ногах по дому, расставив руки, словно желая поймать кого-то невидимого.

Если бы сейчас Никорячиху увидел Кощей Трепетович, то он мог бы поклясться всеми яблоками Три Девятого, что перед ним стоит обезумевшая Кикимора. Или ее ближайшая уродливая и юродивая родственница.

Распухшее, перекошенное от ужаса лицо позеленевшей Никорячихи было сплошь покрыто волосатыми бородавками.

От изумления глаза ее выскочили из орбит, протиснулись кое-как между вспухших век, и обратно вернуться не смогли.

Никорячиха, с ее дрожащим от крика горлом и зеленой, глянцевой от отека кожей, была вылитая жаба.

В двери ее звонили и колотили.

И мечущаяся Никорячиха краешком ускользающего разума поняла, что дверь она вчера закрыла.

И что никакого Кирюхи с собакой из параллельного мира у нее не живет. А значит, ей становилось еще более непонятно, кто мог навести такой бардак у нее дома и отравить ее. Да, да, отравить!

— Отравили-и-и! — выла Никорячиха, кое-как справившись с замком и вываливаясь в одном исподнем на лестничную площадку.

Народ, увидев чудовище вместо интеллигентной, приличной соседки, ахнул и схлынул, мигом образовав вакуум вокруг потенциальной разносчицы чумы.

— «Скорую», живо! — скомандовал кто-то твердым голосом.

Выпученные глаза Никорячихи с натугой вращались в глазницах, рассматривая знакомые лица, расплывающиеся в цветные пятна.

— Отравили-и-и, — хрипела страдалица, бия себя в грудь и картинно падая на бетонный пол.

Но так как вид у нее был не очень, да подозрительный у нее был вид, скажем прямо, никто на помощь ей не поспешил, и ей пришлось брякнуться всеми своим костями.

Среди сочувствующих были и Марьванна с котом.

Они-то мигом сообразили, что произошло. Но даже их потряс вид несчастной Никорячихи, изуродованной злобным Лихом.

— Кто это сде-ала-ал? Ай-ай-ай, кто это сде-ела-ал? — дуэтом тянули они, изображая высшую степень изумления и невинно тараща глаза.

Пока ждали медиков и переговаривались над неподвижно валяющимся телом Никорячихи, кот с мешком в зубах проскользнул в раскрытые двери.

Вернулся оттуда быстро, волоча за собой брыкающийся пакет, зажав в зубах его ручки. Встревоженные люди, напуганные перспективой чумы, не обратили внимания на его передвижения.

Марьванна ждала его на лестничной площадке выше.

— Держи, Маняша, — тяжело дыша, проговорил охотник, выплюнув свою добычу. — Его бы надо как-то угомонить…

— В холодильник! — сообразила восьмиядерная Марьванна. — В морозилку!

На том и порешили.

Глава 8. Бой за сердце черного властелина

Кощей, нежась в пузырях и пене, распевал в ванной приятным голосом какую-то песню из народного фольклора.

Что-то милое, всем знакомое, вроде «жили у бабуси».

Правда, иногда его приятный баритон срывался на хищное, скрежещущее металлом «хе-хе-хе», и красноречивое молчание, следующее за этим смешком, как бы говорило, что судьба у героических гусей была на редкость незавидная.

Белый гусь отважно бросил вызов Кощею, вызвал его на бой честной, один на один, и погиб геройски на реке Смородинке, на Калиновом мосту.

То ли голову ему отрубил налетев

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.